

Российская Академия Наук

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

ИНСТИТУТ

СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РАН

Т.А. Агапкина, Е.Л. Березович, О.Д. Сурикова

**ИМЕНА КАМНЕЙ
В ЗАГОВОРАХ
ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН**

Москва 2020

УДК 291.37;398.348

ББК 86.4

И51

Т.А. Агапкина, Е.Л. Березович, О.Д. Сурикова

Имена камней в заговорах восточных славян – М.: РАН, 2020. – 76 с.

ISBN 978-5-907366-06-0

Монография продолжает цикл исследований авторов, посвященный топонимии заговоров Русского Севера. В ней рассматриваются имена собственные камней, которые встречаются в заговорных текстах Восточной Славии, – в первую очередь русских и белорусских. Книга состоит из трех глав. Первая глава посвящена главному мифоорониму восточнославянского фольклора – Алатырю, количество фиксаций которого исчисляется сотнями, вариантов и контаминантов насчитываются десятки, а ареал покрывает Русский Север, северо-запад, запад, юг, центральную часть России, Поволжье, территории вторичного заселения – Урал и Сибирь; за пределами России – Белоруссию и территорию поселения белорусов в Литве. Авторы исследуют функционирование этого имени в фольклоре (жанры и мотивы); предлагают обзор этимологических версий, высказывавшихся для имени Алатырь начиная с XIX в.; анализируют объем и структуру ассоциативно-контаминационного поля этого имени; приводят перечень вариантов и контаминантов с указанием их частотности и географии; разбирают эпитеты Алатыря и устанавливают их имяпорождающий потенциал. Во второй главе анализируются имена собственные камней, не связанные с Алатырем: указываются география и количество их фиксаций, выдвигаются мотивационные версии, выявляются признаки фольклорного образа магического камня, релевантные для мифологической топонимации. Третья глава, озаглавленная «Вместо заключения. Где все-таки стоит искать прообраз *Алатыря?*», содержит подробную историю изучения Алатыря, а также текстоведческий комментарий относительно времени и путей появления этого имени в письменных источниках. В ней авторы предлагают свое видение этимологии знаменитого мифооронима.

*Авторская работа Е.Л. Березович и О.Д. Суриковой
выполнена в рамках проекта
«Региональная идентичность России:
компаративные историко-филологические исследования»,
финансируемого Минобрнауки России
(номер темы FEUZ-2020-0056)*

ISBN 978-5-907366-06-0

© Т.А. Агапкина, Е.Л. Березович,
О.Д. Сурикова, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. <i>Алатырь</i>	9
<i>Алатырь</i> в разных жанрах фольклора	9
Мотивы, связанные с <i>Алатырем</i> в заговорах	11
География вариантов имени и время их фиксации	14
Этимологические версии	15
Варианты и морфо-семантическое поле имени <i>Алатырь</i>	17
Эпитеты <i>Алатыря</i>	28
Глава 2. Имена камней, не связанные с <i>Алатырем</i>	36
«Темные» имена	45
Глава 3. Вместо заключения.	
Где все-таки стоит искать прообраз <i>Алатыря</i>?	48
Библиография	61
Список сокращений	70
Сведения об авторах	74

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта работа¹ посвящена мифооронимам – собственным именам камней, которые встречаются в восточнославянских заговорах – фольклорных произведениях, относящихся к сфере вербальной магии. Новизну исследованию во многом сообщает максимально полный на сегодняшний день охват источников материала, куда входят не только классические и недавно вышедшие издания русских, белорусских и украинских заговоров, но и архивные материалы, прежде всего по русской заговорной традиции (см. библиографию в конце книги).

Образ камня – один из центральных в народной космологии всех славян, он фигурирует в разных жанрах фольклора (космогонических и этиологических легендах и преданиях, заговорах, духовных стихах, былинах, сказках, загадках, песнях и т. д.): выступает в качестве первоэлемента мира, границы (посредника) между верхним и нижним (своим и чужим, обычным и сверхъестественным) мирами, центра (оси) мира (сакральной точки мифологического центра), места пребывания сверхъестественных существ и мифологических персонажей (в том числе библейских – Христа, Богородицы и пр.), места отсылки нежелательных (злокозненных) персонажей (болезней, демонов и пр.) и т. д. [Агеева, 1982; Демиденко, 1987; Ильинская, 1988; Левкиевская, Толстая, 1999, *с литературой*; Никитина, 1993, 110–111]. Камень широко используется как элемент символического языка культуры в апотропеической, лечебной и продуцирующей магии (где первостепенными становятся такие его признаки, как прочность, долговечность, неподвижность и под.) [Левкиевская, Толстая, 1999]. Представления о магическом камне, реализующиеся в обряде и фольклоре и находящие прямые параллели у других народов, признаются исследователями одними из наиболее древних (дохристианских) и связываются с архаичным культом камней, с образами могильного камня и камня-жертвенника (алтаря).

В восточнославянских заговорах образ камня – один из ключевых в организации мифологического пространства, он постоянно участвует в реализации мотива сакрального центра, являясь его

¹ В ее основу положена публикация авторов в журнале «Вопросы ономастики» (2019. Т. 16. № 2. С. 7–68), напечатанная под заголовком «Топонимия заговоров Русского Севера. III: Камни» [см.: ТЗРС, 3], которая продолжает цикл наших исследований заговорной топонимии (в [ТЗРС, 1] рассматривались имена водных объектов, упоминаемых в заговорах, – моря и реки; в [ТЗРС, 2] – названия крупных объектов на суше – земель, гор, островов, городов).

срединой, наиболее сакральной точкой. Мифологический центр тяготеет к трехуровневой структуре. Внешний, или первый, уровень этой структуры представлен «пространными» географическими объектами (сторона, поле, океан-море); на втором уровне чаще всего находится остров, гора, иногда река; на третьем – точечный ландшафтный объект – камень, а также церковь, дерево / куст, престол, столб, гробница и др. Ср. примеры текстов: «На море Окияне, на острове Буяне стоит дуб Карпиус. Под ним лежит камень Анатырь; под сим камнем лежит доска; под сей доской лежит тоска...» (Сольвыч.) [Ордин, л. II]²; «На мари, на мари, на икани, стаить ракитывый куст, на тым кусти ляжить гал каминь...» (Смол.) [Добровольский, 1, 192] и др.

Однако наблюдения за материалом показывают, что при общеславянской распространенности образа камня традиция его фольклорного именованья не повсеместна и не может быть признана даже общевосточнославянской: лучше всего она разработана у русских, в меньшей степени – у белорусов и практически отсутствует у украинцев³. «В украинских заговорах есть эпический элемент, но чаще эти пространственные обозначения нарицательны: действие в эпической части происходит прямо на море, лукоморье, на острове, на камне, на горе. Названия *Океан-море*, *Буян*, *Латырь камень* единичны и, возможно, говорят о заимствовании от белорусов. <...> Подобное состояние свидетельствует либо о разрушении заговора в бытовании на Украине, либо (что более вероятно) о том, что краткие украинские заклинания и являются наиболее архаичными формами заговоров-молитв, которые в меньшей мере, чем русские и белорусские, подверглись христианскому влиянию» [Агеева, 1982, 137]. В приведенной цитате речь идет главным образом об одном имени камня – *Алатырь* (*Латырь*)⁴, но сказанное, по нашим наблюдениям, верно вообще для имен камней в украинских заговорах: как правило, камень в них лишен специального обозначения.

² При цитировании текстов здесь и далее мы руководствуемся следующими правилами. В отношении рукописных сборников соблюдена орфография источников. Географическая атрибуция текстов, взятых из рукописных сборников, осуществляется по тому месту, где они были приобретены или где жил владелец рукописи. Из экономии места заговоры приводятся во фрагментах, поэтому отточия в цитатах всегда принадлежат авторам монографии.

³ Мы находим в украинских заговорах крайне редкие полуэпитеты-полуимена типа укр.-полес. *камень-пльастер* [Гладкий, 1999, 288], харьк. *лѣд-камень* [ХСб 1894, 8].

⁴ Далее, говоря об этом камне, мы будем называть его *Алатырь*, условно объединяя под этим онимом все многообразие его номинативных вариантов и контаминантов.

Разумеется, русская фольклорная традиция именования камней тоже не гомогенна, в ее составе различаются региональные варианты (на примере образа камня см. [Агеева, 1982; Праведников, 2013]). При этом до конца не решен вопрос генезиса и направления заимствования отдельных имен собственных в ее рамках. Отсюда особая потребность в лингвогеографическом ракурсе рассмотрения имен камней, который мы и стараемся реализовать в этом исследовании.

Самое частотное имя камня в русской и белорусской заговорных традициях – *Алатырь*, его варианты и производные. Количество фиксаций имен собственных (далее – ИС) камней, равно как и вариативность имени *Алатырь*, в русской традиции значительно выше, чем в белорусской. В монографии мы последовательно рассмотрим все ИС камней, которые встретились в корпусе изученных текстов, попытаемся обнаружить их системные связи, предложить мотивационные решения. Начнем с *Алатыря*, который имеет богатую историю изучения в этимологическом, собственно фольклорном и историко-культурном отношениях, – ему будет посвящена первая глава. Это название продуктивнее всего рассматривать в собственно ономастическом ракурсе: следует представить объем и структуру ассоциативно-контаминационного поля этого имени, уточнить, в каких отношениях находятся его элементы, каковы их иерархия с точки зрения частотности и география. Во второй главе мы коснемся имен собственных камней, не связанных с *Алатырем*: проанализируем их географическое распределение и количество фиксаций, постараемся выявить признаки, легшие в основу мотивации, черты фольклорного образа магического камня, релевантные для мифологической топонимии. В третьей главе мы снова вернемся к *Алатырю*: представим подробную историю его изучения, текстологический комментарий относительно времени и путей появления этого имени в письменных источниках, а также предложим свою версию его этимологии.

Но сначала нужно сделать методологическое замечание.

Как уже говорилось, в текстовом пространстве восточнославянского заговора камень зачастую является срединной точкой мифологического центра. Для топонимов, называющих большинство объектов, «наполняющих» пространство заговора (объекты первого уровня: земли, моря, океаны; объекты второго уровня: острова, горы, реки, города; объекты третьего, центрального, уровня, например церкви), релевантен исследовательский подход, при котором устанавливается характер имени собственного:

является ли оно собственно фольклорным (т. е. функционирует только в фольклоре или даже исключительно в заговорах, как, например, фольклорное имя реки *Смородина* или заговорный гидроним *Рагоза* [см.: ТЗРС, 1]) или прецедентным, т. е. имеет источник (прецедент, прототип) за пределами фольклорного текста – в реальной топонимии, в Священном Писании и пр. (ср. упоминания в заговорах города *Иерусалима*, горы *Голгофы* и др. [см.: ТЗРС, 2]). Установление характера мифотопонима позволяет понять причины его возникновения в заговорном тексте, «привязать» вариант текста к тому или иному культурно-языковому ареалу (фольклорному «диалекту»), расширить представления о семантике того или иного фольклорного образа и т. д.

Однако такой принцип работы – при всех его достоинствах – не подходит для названий камней. Камни – это объекты с низкой степенью уникальности, существующие в реальной географической системе любого региона в великом множестве. Следы почитания камней обнаруживаются в лесной зоне Восточной Европы вполне системно⁵, при этом на микрорегиональном уровне культовые следовики не всегда получают индивидуальные названия или они оказываются забыты⁶. Поэтому поиски реального денотата для

⁵ Описание многочисленных случаев почитания камней на Русском Севере и в северо-западной зоне России см. в [Александров, 1983; Дубов, 1988; Коробка, 1908; Лебедев, 1987; Макаров, Чернецов, 1988, 86–87; Мельников, 1998, 61–87, 106–119; Мельников, Маслов, 1992; Мизин, 2012; 2018; Панченко, 1998; Формозов, 1965; Шевелев, 2018; и др.]; о культе камней в лесной зоне Восточной Европы, в частности в Белоруссии, см. [Культовые камни; Курбатов, 2018; Шевелев, 2018, с обзором литературы].

⁶ Так, на территории Русского Севера проприальные обозначения камней, других оро-объектов и связанных с ними местностей зачастую содержат в своем составе апеллятив (географический термин) *камень*, ср. ур. *Камень-Кремень* (У-Куб.), ур. *Большой Камень* (Баб.), а нередко им и ограничиваются: ур. *Камень* (В.-Важ.), пок. *Камень* (Пош., Ваш.) и т. д. Возникает ощущение, что само появление в топонимическом нарративе слова *камень* (даже без дополнительных эпитетов или иных номинативных элементов), а значит, «замечание» этого объекта ландшафта может свидетельствовать не просто о «картографировании» топографической реалии, но о ее аксиологической (мифологической) маркированности народным сознанием. Ср. контексты, в которых подчеркиваются сакральность и заповедность камня (не имеющего специального названия): «Камень стоял в поле, если засуха – служили молебен у него, поп специально приедет, отслужит – дождичек пойдет», «Большой там камень лежал, некоторые ходили, поклонялись ему» (В.-Важ.), «Большой камень тамока стоит, святой какой-то» (У-Куб.), «Там лежит большой обтесанный камень наподобие гробницы, из серого гранита. К этому камню приходит белая собака и воет. Кто пробовал снимать его с земли, тот долго не жил» (Пош.) и др.; подробнее см. в [Березович, 2010, 131]. Как правило, такие камни отличаются большими размерами, поэтому, описывая их, чаще говорят, что камень *стоит*, а не *лежит*.

В связи со сказанным стоит упомянуть версию А. К. Матвеева относительно происхождения оронима *Камень* «Уральский хребет», поддержанную А. Е. Аникиным

большинства заговорных камней и деревьев вряд ли оправданны. Это значит, что системные ономастические связи – если они предполагаются – для таких топонимов нужно устанавливать преимущественно в пределах жанров фольклора и народной книжности, а не в реальном ономастиконе (более того, именно фольклорные оронимы способны оказывать влияние на номинацию реальных культурных камней, о чем будет сказано ниже).

Непросто в этом смысле обстоит ситуация с самым известным магическим камнем фольклора – *Алатырем*, для которого А. Н. Веселовский одним из первых искал конкретный прототип в библейской истории и географии [Веселовский, 1881], трактуя народномифологический (фольклорный) образ этого камня как позднейшее искажение (подробно о разысканиях Веселовского см. в третьей главе этой монографии). Такой подход был раскритикован уже в начале XX в. Н. Коробкой [1908], который писал: «Какие основания имеются налицо для такого заключения? – Никаких, кроме предвзятого стремления школы Бенфея возводить непременно образы народной фантазии к книжному памятнику. Это предвзятое стремление постоянно приводит к такому силлогизму: “образ А есть в народной поэзии, образ В несколько с ним сходный есть в памятнике N, следовательно А есть искажение В”» [Там же, 411–412]. Несмотря на вполне обоснованную критику, традиция поисков реального источника *Алатыря* не прерывается. Мы тоже поддадимся искушению и попытаемся поразмышлять на этот счет в третьей главе этого издания (с оговоркой, что, учитывая высокую степень гипотетичности любых предложений, уверенно отнести *Алатырь* к числу прецедентных имен невозможно).

[ЭСРДС, 247–248], согласно которой «топонимическая» семантика *Камня* «могла сложиться под влиянием таких названий Урала, как коми *Из* (= ‘камень’), нен. *Царка” Пэ*” (= ‘большие камни’), *Хабэй” Пэ*” (= ‘остяцкие камни’), хант. низям. *Кев* (= ‘камень’), манс. сев. *Nor ~ Nâr* (= ‘камень’); при этом «менее вероятно, что *Камень* и, шире, значение ‘скала, утес’, ‘горный хребет, цепь гор’ у рефлексов праслав. **кату* в с.-в.-рус. и сиб. диалектах могут быть отнесены на счет “чисто” внутреннего семантического развития или быть поняты как реликты индоевропейской семантики» [Там же].

Мы не исключаем, что номинативная нагруженность слова *камень* и «самодостаточность» его в качестве географического термина / оронима на Русском Севере также могут быть «семантическим субстратом» урало-финской традиции.

Глава 1 АЛАТЫРЬ

Алатырь – главный камень восточнославянского (русские, белорусы) фольклора: он известен преимущественно в духовных стихах (а именно в Стихе о Голубиной книге), былинах и заговорах.

Алатырь в разных жанрах фольклора

Интерес к имени *Алатырь* связан не в последнюю очередь со «статусом» соответствующего фольклорного образа в русском духовном Стихе о Голубиной книге⁷. Согласно ему, этот камень находится в центре мира, на горе Фаворе – именно к нему выпадает с небес Голубиная книга: «Ай на той горы на Фагорския, / Ко цюдну кресту животворящему, / Ко Латырю белу каменю, / Ко святой главы ко Адамовой / Выпадала Книга Голубиная...» (Повен.) [Бессонов, 2, № 80]. Об *Алатырь-камне* говорят, что он «всем каменям мати», поскольку «на белом Латыре на камене / Беседовал да опочив держал / Сам Исус Христос царь небесный / С двенадцати со апостолам, / с двенадцати со учителям; / Утвердил он веру на камене, / Распустил он книги по всёй земли: / Потому де Латырь камень каменям мати» [Там же]. В духовных стихах утверждается, что «потому Латырь камень всем камням мати, / Што из-под ёго, из-под каменя / Вытекала матушка Ефрат река, / Ефрат река Райская» [ДСРС, 102, № 57].

Эти фрагменты Стиха создают впечатление, что события, связанные с падением Голубиной книги, происходят именно в Святой Земле, о чем свидетельствует перечень мест и реалий, упоминаемых в одном ряду с *Алатырем*: это сам *Иерусалим*, *Фавор гора* или *Сион гора*, *дуб Мамврийский*, *Голова Адамова* (т. е. Голгофа) и др. Вместе с тем при рассмотрении многочисленных вариантов Стиха о Голубиной книге выясняется, что в нем *Алатырь-камень* довольно последовательно ассоциируется также и с морем: «Воскрыпун-птица – да фсем птицам мати: / И сидит она да среди моря, / Среди моря седит она на камене, / Вот на камене седит она на Латыре» [Григорьев, 2, 289, 365]; об аналогичных мотивах см. ниже, в связи с вариантом, опубликованным Н. Надеждиным.

⁷ В. Н. Топоров предположил, что название «*Голубиная книга*» имеет иранские истоки и, в частности, связано по происхождению со среднеиранским космологическим трактатом «Бундахишн» [см., например: Топоров, 1978]. Это предположение служит дополнительным аргументом для тех, кто ищет этимон слова *Алатырь* в индоиранских языках.

В русских былинах *Алатырь* – эпический камень, с которым связаны типовые ситуации: это место встреч богатырей, место предуказанных испытаний, а иногда гибели героя [Путилов, 1986, 501; о камне в былинах см. также: Праведников, 2013; Демиденко, 1987]. В былинах *Алатырь* тоже обнаруживает самое непосредственное отношение к морю, ср.: «Поехал Микитушка Добрынюшка / Он за три-то поля да за три цистые, / Он за три-то моря да за три синие, / Он за камень-от да всё за латыр-о(т)» [ДН, 286]; «А и бежала калика переходящая / А от того от моря от Студеного, / Алатыря-камешка, Алатыря» («Мамаево побоище») [БП, № 105]; «Еще перушки были орлиныя <...> А това орла, птицы ханския, / Что летат, летат по синю мору / И вьет гнездо среди мора <...> На камушке вьет, на Алатыре» («Дюк Степанович») [РЭПС, 107]; «Ты поедёшь, моё дитяtko, во цисто полё / Ты ко синёму морю да ко студёному, / К самофирию, белу камению, ко Латырю» (Мез.) [БМ, 135].

В заговорах камень *Алатырь*, расположенный, как правило, именно в море, является одним из наиболее частотных топографических объектов. Поэтому естественно, что именно заговоры добавляют к характеристикам *Алатыря* некоторые важные детали. Во-первых, это камень огромных размеров: «Есть море-окиян. И в том море-окияне есть белой камень Латырь, высота его 60 сажен, долгота его 60 сажен...» (Костр. у.) [Виноградов, 2, № 36], простирается он от земли до неба и с востока до запада: «Есть море Окиян, а в том море Окияне лежит белой камен Латар. Высота его до небесь, а широта его от востоку и до западу...» (Влг.) [ОЧ, 186–187]. Во-вторых, подчеркивается древность камня, *Алатырь* признается существующим от начала мира: «В том же чистом поле лежит Латырь-камень. Я спрошу у Латырь-камня: “Давно ли лежишь, Латырь-камень? И долго ли будешь лежать? – Лежу я с (начала) свету белого и буду лежать до конца свету белого”» (Карг.) [РЗЗ, № 631].

Центральное и в прямом смысле высокое положение камня *Алатыря* в пространственной картине мира фиксирует также мотив «воды текут из-под камня Алатыря»: «Царыца вадзіца, красная дзявіца <...> Коцісься ты, вадзіца, па дням, па начам, па вячэрнім зарам, ідзеш з пад крутых гор, зпад красных зор, з пад жаркага сонца, з пад ясныга месяцу, зпад латыра камню...» (Витеб.) [Шлюбскі, 1927, 37]. Подобным же образом описывается *Алатырь* и в Стихе о Голубиной книге: «Белый Латырь камень всем камням отец. <...> С-под камешка, с-под белого Латыря / Протекли реки, реки быстрые / По всей земле, по всей вселенную...» (Тороп.) [Бессонов, 2, 313, № 83].

Мотивы, связанные с Алатырем в заговорах

К этим мотивам уже обращались исследователи [Агеева, 1982; Демиденко, 1987; Никитина, 1993, 110–111; Юдин, 1997; и др.]; наша задача – кратко обобщить и дополнить их выводы.

Основной мотив (на него приходится едва ли не три четверти всех фиксаций имени *Алатырь*, а также ряда других ИС, присваиваемых камням) – это сюжетообразующий мотив сакрального (мифологического) центра. В восточнославянской традиции мотив сакрального центра полифункционален: заговоры, основанные на нем, известны практически среди всех функциональных групп, прежде всего лечебных заговоров и оберегов, адресуемых человеку и скотине, а также, хотя и в несколько меньшей степени, в составе социальных заговоров (к начальству, воинских, любовных и т. д.). Соответственно, и камень *Алатырь*, как отметил еще Н. Познанский [1917/1995, 264 и далее], также не связан безусловно с каким-то одним или несколькими типами заговоров.

Связь камня *Алатыря* с целительством находит довольно редкую параллель в Стихе о Голубиной книге. В Мочульский обратил внимание на те варианты Стиха, которые связывают камень *Алатырь* с идеями спасения и исцеления, и привел два фрагмента Стиха, раскрывающих эту тему. Во-первых, фрагмент стиха из собрания Бессонова, где из-под камня *Алатыря* вытекают реки «всему миру на исцеление, / всему миру на пропитание» (Тороп.) [Бессонов, 1, 313, № 83]. Во-вторых, из белорусского варианта Стиха, опубликованного Н. Надеждиным, где о *Латыре-камне* сказано, что «лежит он среди моря, / Среди моря, среди синего; / Идут по морю много корабельщиков, / У того камня останавливаются, / Они берут много с его снадобья, / Посылают по всему свету белому. / Потому Латырь-море морям отец, / Потому Латырь-камень камням отец!» [Надеждин, 1857, 35]⁸.

Камень *Алатырь* локализуется в центре мира – прежде всего и чаще всего на море, значительно реже – в поле, на восточной

⁸ Интересно, что Мочульский вслед за Надеждиным видит в этих контекстах подтверждение «янтарной» этимологии *Алатыря* (о ней подробнее см. далее), которая подкрепляется появлением в белорусской редакции Стиха *алатырь-моря* – по версии Надеждина, Балтийского моря, действительно богатого янтарем. Мочульский [1887, 181] писал: «Известно, что в древности греки и римляне весьма дорожили янтарем, не только как украшением, но и как высоко целебным средством: его носили на себе в качестве амулетов. Отсюда и в великороссийских заговорах – камень Алатырь везде является одаренным чудною против всяких болезней силою. Следовательно, и эта черта белорусского пересказа относится к камню-янтарю».

стороне, острове, реке, горе, пупе морском и даже в Иерусалиме, где находятся церковь, часовня, престол, столб, кузница и другие малые объекты, на которых и лежит этот камень. В свою очередь, на нем и вблизи него пребывают сакральные и профанные персонажи (Христос, Богородица, архангелы и святые, убогий Лазарь, царь Соломон и др.; девица, дед, баба, дядька, старец, мертвец и др.), а также животные, в том числе мифические – щука, змея, зверь, волки, птица, орел, ворон, царица змей и т. д. Впрочем, иногда на камне *Алатыре* могут находиться и иные персонажи, даже Сатана: «А во дьявольском болоте Латырь бел камень, а на Латыре бел камени сидит сам сатана» (Новг.) [Майков, 1869, № 48].

Порой заговор, подобно Стиху о Голубиной книге, помещает камень *Алатырь* в сакральный центр христианского мира: «и близь святого Иордана стоит святая Фаворская гора; и на той святой Фаворской горе лежит бел Латырь-камень; и на том белом камени сидит Пречистая Богородица, Христа царя мати, прядет шелков Хр...ту на пелену, и, отпрявши, смотала и выткала, и мыла во Иордане реке...» (Тот., рукоп. нач. XIX в.) [Виноградов, 1, № 19].

В подавляющем большинстве случаев камень *Алатырь* выполняет функцию указания на место действия этих персонажей, которые тем или иным образом отвечают на запрос реципиента заговора, помогают ему решить проблему – изгнать или уничтожить болезнь человека или скотины, а также уберечься от нее, заставить судью или начальника быть милостивым, привлечь к себе девушку или парня и т. д.: «На острове на Буяне стоит Алатырь-камень. На Алатыре-камне стоит золотой престол, на золотом престоле сидит мать Пресвятая Богородица – она держит в руках золотую иглу, шелковую нитку, хочет сшивать у раба Божия (имя) кровавую рану накрепко...» (Яросл.) [РК, 2/1, 224].

Помимо маркировки места, где действует протагонист, камень *Алатырь* выполняет также иные функции и фигурирует в составе целого ряда других мотивов. Их содержание определяют два основных природных свойства камня – тяжесть и крепость.

Первый из этих мотивов уподобляет тело человека крепости камня, который символизирует физическую неуязвимость: «Сколько крепок тот белой камень Латырь, толь бы у раба Божия имярек белое тело» (Заонеж., рукоп. кон. XVII – нач. XVIII в.) [ОЧ, 246].

Второй мотив проецирует крепость камня Алатыря на заговорное слово и сам заговор: «...слова цяжэй камня Алатыря» (Минск.) [Зам-09, № 2 195].

Третий мотив – это формула невозможного, апеллирующая к тяжести камня, его неспособности плавать: «Как этот бел Латырь-камень поверх воды не всплывает и кореньи не показыва-ет, так же бы никому невозможно через этот тын не перелезть и не перескочить...» (Ю-Урал) [Бекетова, Колмогорцев, 2001, 82]; «Отдам ключ и замок раку морскому, а рак морской отдаст щу-ке-калуге, а щука-калуга отдаст под латырь камень, а бел латырь камень сверху воды не стоит. Когда тот камень наверх воды вый-дет, тогда и раба Божия (имя) от меня отойдет» (Яросл.) [РК, 2/1, 223]; «Як ніхто не можаць сinyaго мора выпіць, а латара камяня падняць <...> так ніхто не можаць рабы божыя скотины бурья, рэбья, красныя узяті...» (Могилев.) [БС, 44, № 161].

Четвертый мотив продолжает предыдущий. Он характерен для закрепков: субъект заговора помещает ключ и замок от заговора под камень Алатырь в уверенности, что оттуда их никто не доста-нет: «Ино и во веки веком никакому волху <...> до белого камня Алатаря не дотти ж, и тово ключа ис-под того камня Алатыря не добыти, и того замка не отомкнути никому» (Влг.) [ОЧ, 184–185]; «Етым маім славам ключ і замок. Замок замкну, а ключ аднясу пад Латыр-камень» (Гомел.) [Замовы, № 1290].

Пятый мотив как бы перемещает камень Алатырь из сакраль-ного центра на периферию: заговор отсылает недуги и иное зло куда-то в маргинальную зону, в том числе туда, где находится ка-мень *Алатырь*. В русской традиции такие записи редки, а вот в белорусской встречаются довольно часто: «На мори на сиянии ляжиць латырь-камень <...> вот там табе, скула <...> пугуля-ць...» (Могилев.) [БС, 168, № 44]; «...будзем просиць Госпада Бога и Михаилу архиилу, Михаила будзець вороного коня седла-ць, зялезный кнут куваць, на Сияньское поле узгоняць. Там ля-жиць камень-латырь; будзець к камню пригоняць, ваши головы отсекаць, за сине море бросаць...» (Могилев., от укуса змей) [Там же, 181, № 89].

И наконец, последний момент. Преимущественно в западно-русских и белорусских заговорах заметна тенденция присваивать ИС камням, которые никак не связаны с сакральным центром и называются в перечне других природных объектов. Такая черта проявляется в рамках мотива «три брата никогда не сойдутся»: «Маладзік на небе, мяртвец у землі, Ладыр-камень на сінім моры. Как им с места не сходить и вместе не сходится, так болезни не быть» (Могилев.) [Зам-09, № 2 275]; в заговорах от змей, где по-следних пугают тем, что, если они укусят человека, их не примет

земля: «Не примет тебя ни земля, ни вода, ни Пилатырь-камень» (старообрядцы Литвы) [ФСЛ, № 843], и в некоторых других.

Возможно, эти два последних момента указывают на размывание мифопоэтического образа камня *Алатыря* в этой зоне параллельно с относительной редкостью фиксаций ИС *Алатырь* в южнорусской традиции и его полным отсутствием в украинских заговорах. Это коррелирует с мнением Р. А. Агеевой [1982, 150] о первоначальном возникновении (под влиянием христианизации) имени *Алатырь* и других относительно новых ономастических элементов традиционной эпической заговорной формулы (*Океан* и *Буян*) в севернорусском регионе: «Для севернорусских заговоров наиболее характерны именно элементы традиционной эпической формулы: *Океан-море, остров Буян, белый камень Латырь*. Это обстоятельство согласуется с тем фактом, что севернорусский фольклор в силу исторических условий часто отражает именно поздние инновации по сравнению с фольклором других славян». Вероятно, можно предполагать (об этом свидетельствуют также числовые показатели употребления ИС *Алатырь* в заговорах) распространение традиции с северо-запада на восток и юго-восток (в центральные части России), а также на юго-запад (Белоруссия), с постепенным ее истиранием в более южных регионах.

География вариантов имени и время его фиксации

Хотя *Алатырь* и является первым камнем русского и белорусского фольклора, в этих традициях он распространен неравномерно: максимальное количество фиксаций этого ИС и его вариантов приходится на северно- и центрально-русскую традицию, Поволжье, а также Белоруссию, в то время как в южнорусских областях их заметно меньше (см. карту).

Первые фиксации ИС *Алатырь* / *Латырь* относятся к XVII в. В это время имя засвидетельствовано в «Беседе Иерусалимской». А. Л. Топорков обратил внимание на то, что именно «публикации <заговоров> последних лет существенно обогатили “лексикографический портрет” слов *латырь, алатырь* и их вариантов» [РЗРИ, 158–159]. Такие собрания заговоров, как «Олонецкий сборник» 2-й четверти XVII в. [РЗРИ] или «Великоустюжский сборник» 2-й четверти XVII в. [ОЧ], а также ряд других публикаций из тех же изданий ввели в научный оборот наиболее ранние фиксации вариантов *Латырь, Алатырь, Латарь, Алатарь, Оратир, Отлатер, Златырь* и ряд др.

Ареал ИС *Алатырь*, вариантов и контаминантов этого онима

Однако эта хронологическая метка – начало / середина XVII в. как время первых фиксаций ИС *Алатырь* в фольклоре – почти на век отстает от летописного свидетельства, в котором *Алатырь* фигурирует как название реки: ИС *Алатырь* / *Алатор* упоминается в Патриаршей (Никоновской) летописи под 1552 г. в связи с походом Ивана IV на Казань: «И учал государь <...> как идти х Казани и на которые места; и приговорил <...> государь <...> сходитца на Поле за Алатырем (вариант: *Алатором*)⁹» [НикЛ, 191]. Этот топоним этимологически, вероятно, не связан с именем фольклорного камня [Аникин РЭС, 1, 147; Журавлев, 2005, 456], но аттракции возможны (о них см. далее).

Этимологические версии

Тайну *Алатыря* этимологи пытаются разгадать с XIX в. Слову посвящена огромная литература, и имеется даже не один обзор высказывавшихся этимологических версий [см.: Агеева, 1982, 140–141; Аникин РЭС, 1, 146–147; Бодуэн де Куртене-Фасмер,

⁹ Имеется в виду река *Алатырь* в Поволжье, протекающая по территории современных Нижегородской области, Мордовии и Чувашии

1914; ЕСУМ, 3, 201; Журавлев, 2005, 453–456; Трубачев, 1999, 129–135; Фасмер, 1, 69; Юдин, 1997, 194–196; ЭСБМ, 5, 286; Budziszewska, 1992; и др.]; самый свежий обзор представлен в [Агеева, 2019, 136–140]. Ни одна из версий не признана окончательной (ср.: «Пока же мы вынуждены согласиться с ведущими этимологами, прежними и современными, сделавшими неутешительный вывод: все известные в настоящее время этимологии имени мифического камня Алатыря неудовлетворительны» [Там же, 140]), хотя среди них есть и наиболее предпочтительные. Большинство гипотез основано на признании слова старым заимствованием. По мнению А. Е. Аникина, наиболее вероятна (но все же недостаточно надежна) разработанная В. В. Мартыновым версия о происхождении слова из иран. **al-ātar-* (ср. иран. **āt(a)r-* ‘огонь’), будто бы калькируемого в эпитете Алатыря *бел-горюч* [Аникин РЭС, 1, 146–147]. О. Н. Трубачев считает, что истоки слова следует искать в севернопричерноморском индоиранском субстрате и восстанавливать **alak-tar-* ‘янтарь = «сияющий, жгучий»’, при этом память о семантике основы тоже предлагается видеть в поясняющем *Алатырь* эпитете *бел-горюч* [Трубачев, 1999, 131]. В свете нашего исследования крайне важна попытка Трубачева найти отражение этимона в реальной топонимии – если считать, что такой топоним затем мог бы стать прецедентным. Он обнаруживается в известном в античности и раннем Средневековье названии укрепления *φρούριον Ἀλέκτορος*; локализован этот *Алектор* близ устья Днепровско-Бугского лимана [Там же, 132].

Данная версия пересказывается в позднейшей литературе, но не признается окончательной; А. Е. Аникин называет ее «проблематичной» [Аникин РЭС, 1, 147]. Проблематичность, вероятно, связана с тем, что О. Н. Трубачев слишком увлеченно (как считают последующие комментаторы) ищет индоиранский субстрат в Причерноморье, а также пытается приписать индоиранское происхождение непосредственно слову *янтарь* [Трубачев, 1999, 134–135], для которого все-таки господствующей является балтийская этимология (обзор версий и акцентулы см. в [НРЭ, 279–280]). А. Ф. Журавлев поддерживает поиски источников рус. *Алатырь* на востоке, в индоиранских языках, при этом предлагает обратить внимание еще на осет. *æ(r)tdor* ‘ремень, огниво’ [Журавлев, 2005, 455]. Р. А. Агеева «с мифологической точки зрения» наиболее перспективным считает старое сближение *Алатыря* с *алтарем* (< лат. *altare*), формально находящее много трудностей [Агеева, 1982, 142; см. также Агеева, 2019, 136].

Иные версии рассматриваются в современной этимологии как менее достоверные. Среди них, однако, хочется особо выделить версию Ц. Бодуэн де Куртенэ-Фасмер, согласно которой «Алатырь-камень принадлежит к северо-западному кругу влияний в русской народной словесности», а само слово заимствовано из древнесеверных языков (*leidarsteinn* ‘магнит’), поскольку камень как бы указывал путь мореплавателям [Бодуэн де Куртенэ-Фасмер, 1914, 107]. С точки зрения фонетики и словообразования эта версия не проходит, но статья исключительно интересна и характеризуется высоким для своего времени уровнем сочетания лингвистических и экстралингвистических данных.

Варианты и морфо-семантическое поле имени *Алатырь*

Как мы уже отмечали выше, исходной формой в ряду вариантов мы считаем *Алатырь*, но это условно – в силу сложившейся ономастической традиции. Если отталкиваться от лингвостатистики и ареала ИС, на место основного варианта в заговорах претендовала бы скорее форма *Латырь(ь)*: она встречается почти втрое чаще, чем *А/Олатырь(ь)*¹⁰ (порядка 100 фиксаций и более 35 фиксаций соответственно¹¹), и покрывает более широкую территорию (Русский Север, северо-запад, запад, юг, центральная часть России, Поволжье, территории вторичного заселения – Урал и Сибирь; за пределами России – Белоруссия и белорусы в Литве; для Алатыря это Русский Север, Поволжье, центральные области России, Сибирь, в меньшей степени – юг России и Белоруссия). Обе формы известны в устных и рукописных источниках.

В русских и белорусских диалектах встречаются многие другие варианты ИС *Алатырь* / *Латырь*. Этот факт опровергает утверждение О.Н. Трубочева о том, что «в устной народной поэзии название камня всегда фигурирует в одной форме – *алатырь* или *латырь*» [Трубочев, 1999, 130]. Варианты гораздо менее

¹⁰ Вариант *Латырь* преобладает и в былинах: так, по подсчетам С. П. Праведникова, в былинах Архангельской губернии и Сибири на 30 случаев употребления формы *Латырь* приходится четыре случая использования формы *Алатырь* [Праведников, 2013].

¹¹ Здесь и далее, говоря о количественных данных, мы понимаем всю условность подсчетов при работе с фольклорным материалом – системой принципиально открытой и бесконечно вариативной. Показателен здесь только широкий количественный «шаг» – разница в десятки словоупотреблений – или, напротив, явления гапаксного характера – редкие, единичные факты.

частотны – среди них много единичных случаев – и отличаются большим разнообразием.

В основе их во многих случаях лежит попытка фонетической имитации «темного», сложного и «чужого» слова, которая не направлена на семантизацию онима.

- **Латар(ь)** (порядка 20 фиксаций: Русский Север, северо-запад, юг, центральные районы России, Белоруссия; Сибирь, бассейн Амура – единично): «Есть море Окиян, а в том море Окияне лежит белой камен Латар. Высота его до небесь, а широта его от востоку и до западу...» (Влг., XVII в.) [ОЧ, 186–187]; «В окиян-море бел Латарь-камень, на этом камне нет ни крови, ни ольхи, ни опухоли...» (Арх.) [РЗЗ, № 488]; «На синям моры, акиани ляжить латарь-камень, на латары-камни Хава-Хавица» (Гомел.) [БС, 120, № 341]; «На острове Буяне стоит латарь-камень» (Амур) [СРНГ, 16, 287].

- **Алатр** (6 фиксаций: Сибирь): «На этом острове лежит Алатр камень, а на камени стоит Мати Пречистая Богородица, просит и молит безпрестанно Господа Иисуса Христа...» (Ю-Сиб.) [Майков, 1869, № 120].

- **Алтырь** (6 фиксаций: Русский Север, Белоруссия, Харьковская губ.): «На море, на окиане есть бел-горюч камень Алтырь...» (Белозер.) [Соколовы, 1999, 645], «вода-водица... цекла ты <...> с под ясныго месица, с-под алтыря камня...» (Могилев.) [БС, 168, № 43]; «На мори, на окияни лыжыть каминь Алтырь, на тым камени Алтыри е два орлы орловичи, два браты ридны» (Харьков.) [Иванов, л. 26об.].

- **Латор** (3 фиксации: Русский Север, Белоруссия): «Есть море океан, остров Буян, камень латор. В том камне-латоре стоит часовня...» (Костр.) [Андроников, 1909, 17]; «На моры, на латоры ляжыць камень» (Гомел., Ветк.) [Вяргеевка, 2013, № 1 097].

- **Латра** (2 фиксации: центральная часть России): «На острове Буяне лежит камень Латра, на Латре три девицы шили-пошивали кровавые платья...» (Калуж.) [РЗЗ, № 1 657].

Далее список форм, которые фиксируются единично.

- **Алабырь** (Ю-Сиб.): «В чистом поле лежит бел-горюч камень алабырь» (1848 г.) [СРНГ, 1, 229].

- **Алатарен (Алаторен)** (рус.): «Златы замок камень алатарен утверждён и заволенно горами. Ас, Божий имрак, замкнут и заговорен, и закреплен небесною невидимою силою. Как ис-под белого камня алаторен не достать, так бы меня, раба Божия, неверным людям не достать отныни и во веки» (XVIII в.) [РЗРИ, 523].

▪ **Алатарь** (юг России, рукоп.): «Закиньте ключи в окиян-море под бел камень-алатарь...» (кон. XVII в.) [Майков, 1869, 136].

▪ **Алатор** (Русский Север): «Есть море-океан, на том море-океане есть белый камень Алатор» (Карг.) [РЗЗ, № 2 397].

▪ **Алатын** (Поволжье): «В чистом поле стоит Алатын камень, под тем камнем бегут три ручья...» (Нижегор.) [НЗ, № 9]. Возможно, форма испытала влияние тюркизма *алтын*, ср. устойчивый эпитет магического камня – *злат, злачен* (см. ниже), а также *алтын-камень* из архангельских былин [Праведников, 2013].

▪ **Алтыш** (Гомельская обл.): «На море, на акеане ляжыт камень Алтыш, табе, уж Ермалай, на галаву залаты вянец, а ў этага раба бож'его яду канец» [Цяпкова, 375]¹².

▪ **Альтэр** (Белоруссия): «На моры-на акіяне лежыць гарачы камень Альтэр» (Берез.) [Зам-09, № 313].

▪ **Анатырь** (Русский Север): «На море Окиане, на острове Буяне стоит дуб Карпиус. Под ним лежит камень Анатырь; под сим камнем лежит доска; под сей доской лежит тоска» (Сольвыч.) [Ордин, л. 11].

▪ **Лагір** (Белоруссия): «На сінім моры, велікаморы ляжыць белы камень, белы камень Лагір. На тым камні сядзіць маць Прачыстая, дзяржыць Ісуса Хрыста ў паркалі, вымывае халоднай вадой...» (Гомел.) [Замовы, № 905].

▪ **Ладарь** (юг России): «брошены мои тридевять ключей в Киян море под камень ладарь» (Дон.) [Орлов, 1879, 722, 724].

▪ **Ладыр** (Белоруссия): «Маладзік на небе, мяртвец у землі, Ладыр-камень на сінім моры...» [Зам-09, № 2 275].

▪ **Лакирь** (Белоруссия): «На синим мори ляжиць бел лакирь-камень...» (Витеб.) [БС, № 106].

▪ **Лапырь** (рус., рукоп.): «И как от белаго лапыря камня нет рыдания, ни воздыхания, камень лежит кроток...» (XVIII в.) [РЗРИ, 527].

▪ **Латер** (Русский Север): «Пойду я, раб Божий, ко святу Окиану морю, есть свят остров там; на святе острову лежит белый камень Латер; на том камне стоит церковь папы Римской» (Кологрив.) [Виноградов, 2, № 96].

¹² Необычную финаль в этом ИС (-и) можно попытаться объяснить притяжением имени камня (*Алатырь / Алтырь*) к названию ужа *гладуш*, которое встречается в западно- и южнорусских говорах, и в том числе как имя собственное – в заговорах. Это притяжение вызвано, во-первых, тем, что в цитируемом заговоре также упоминается уж, а во-вторых, тем, что слово *гладуш* [СРНГ, 6, 181] явно происходит от *гладкий*, обозначающего свойство как змеи, так и камня; заметим также, что *гладуш* в редких случаях может обозначать также и небольшой гладкий камень. См. ниже *Купав камень*.

▪ **Латрий** (Белоруссия): «На синем мори ляжиць латрий-камень, на латри-камни стоиць ракитовый куст...» (Могилев.) [БС, 185, № 107].

▪ **Латомир** (Белоруссия): «На мори на кияни стоиць латомир...» [БС, 152, № 49].

▪ **Латынь** (Поволжье): «отнесу эти ключи на Киан-море, положу под Латынь-камень...» (Нижегор.) [Шейн, № 13]. Не стоит ли предполагать здесь формальную аттракцию к *латыни* как наименованию языка и мотивировочный признак чуждости в основе номинации?

▪ **Лацень** (Белоруссия): «Стаяў тын проціў неба на землі, ля того тына ляжаў камень лацень. На тым камені-лацені ляжала ангельская кніга...» (Гомел., Кормян.) [Вяргеевка, 2013, № 1 255].

▪ **Линтварина** (Украина): «На земли Осияни, на мори-окияни, на острови Буяни лэжит каминь линтварина, на камни линтварини лежить змий Шевельда» (Харьков.) [ХСб 1898, 176]. Эта форма, вероятно, является результатом притяжения к какому-либо диалектному обозначению янтаря – вроде пск. *линтáрь* ‘янтáрь’ [ПОС, 15, 73]. О смысловой стороне таких притяжений см. ниже.

▪ **Литарь** (Русский Север): «И есть на сем свете река Лозокорь и на той реке Лозокоре есть камень Литарь, у того камня стоит древо плотно и не гниуще, маслично...» (Олон.) [Покровский, 1873, 431].

▪ **Литер** (центральная полоса России): «Из-под белою литера-камни киту-рыбе брошу в сине море 70 замков немецких» (Вят.) [СРНГ, 17, 71–72].

▪ **Лотарь** (Белоруссия): «На мори-акіяні, на востраві Буяні ляжыць Лотарь-камень...» (Могилев., Краснопол.) [Зам-09, № 629].

▪ **Лотивай** (рукоп.): «На море на океане, на острове на буяне стоит камень Лотивай, на камине Лотивае сидит красная девица...» [Перетц, 1914, 75].

▪ **Лотра** (Белоруссия): «Вуходзила вода... ис-под лотры-каменя» [БС, 141, № 15].

▪ **Лотырь** (3 фиксации: Русский Север, Орловская губ., Забайкалье): «в синем море Окияне под камнем Лотырем стоит щука, щука-пожируха...» (Сольвыч.) [Ордин, л. 30 об. – 31]; На море на окияне, на острове на Буйдане лежит камень Лотырь, под тем камнем Лотырем лежит руно черное барановое, под тем руном черным барановым лежит змея Скоропея [Чесноков, л. 31 об.].

▪ **Оратир** (рукоп.): «...замькни меня, раба своего, крепким замьком и положи свои крепькие ключи во окиян море, под белои под оратир камень...» (XVII в.) [ОЧ, 231].

▪ **Отлатер** (рукоп.): «На море на окияне лежыт сине море, в том море окияне лежыт камен(ь) отлатер, на том камени сидит красная девица о двою главах...» (XVII в.) [РЗРИ, 92, № 4].

В большинстве приведенных вариантов главным объектом имитации становится звукокомплекс *лат-* (*ла-*, *ала-* и т. п.), но ассоциативной опорой в слове может быть и его финальная часть. В таком случае начальный согласный *л-* может заменяться на любой другой, необязательно плавный, ср. следующие единичные формы.

▪ **Ватарь** (Перм.). Имя упоминается в заговоре на остановку крови, где фигурируют *Ватарь-камень*, *стар-матер человек* и *Адамовы мощи* [СРНГ, 4, 70]. В. В. Мартынов связывал эту форму с **vatra* ‘огонь’, в чем сомневается А. Е. Аникин [РЭС, 6, 116]. Эти сомнения усиливаются в контексте нашего исследования, где *Ватарь* понимается как лишь один из многочисленных единичных вариантов *Латаря*.

▪ **Матырь** (Русский Север): «В этой быстрой реке лежит Матырь-камень, под этим Матырем-камнем лежат два червячка...» (Арх.) [РЗЗ, № 661]. Для этой формы, однако, не до конца исключено влияние со стороны *мать*, *матерь* (ср. «Потому де Латырь камень камням матери»).

▪ **Шатырь** (запад России): «В нас на синем море бел камень-шатырь. На этом камне сидеть девица, Христова сестрица...» (Пск.) [Фридрих, 1936, 447].

Среди единичных вариантов ИС *Алатырь* встречаются не только фонетические, но и словообразовательные – такие, где от изначального онима остается только условно-корневой комплекс – в результате усечения форманта *-ырь* (*-арь*), который ясно осознается как суффикс.

▪ **Лат** (рус.): «В этом Океан-море есть Лат камень, на этом камне 12 ногтей и 12 когтей...» [Вашкинский, 1902, 7].

▪ **Лот** (Белоруссия): «Идзи ты на синяя моря, на синим мори лот-камне...» (Витеб.) [БС, 106, № 274].

Непрозрачность имени *Алатырь* приводит не только к фонетическим флуктуациям и выделению псевдоосновы слова, но и к появлению морфолого-словообразовательных вариантов в результате межчлестеречного перехода ИС. Мы говорим о возникновении на месте существительного (качественных) прилагатель-

ных, что в том числе может пониматься как попытка прояснения онама через изменение его категориально-грамматических характеристик.

▪ **Латырев(ый)** (2 фиксации: Русский Север): «Стану я раб (имя) благословясь, пойду перекрестясь, пойду в чистое поле, стану на белой камень латырев, погляжу под восточную сторону ...» [ИРЛИ ФА колл. 192, с. 261, № 36]; «В чистом поле латыревый камень. Под латыревым камнем два червечка...» (Карг.) [РЗЗ, № 663].

▪ **Арлатский** (1 фиксация: Урал): «На море на Диёне на горе на Сиёне лежит камень арлатский. На том камне сидят три святителя» (Перм.) [Белоцветов, 1901, 601].

▪ **Латый** (1 фиксация: Русский Север): «На синем море стоит камень латый, под тем камнем латым живет бабка семиволоска, девка простоволоска...» (Беломор.) [Курец, 2000, № 102].

Количественные и ареальные данные позволяют определить статус приведенных онимов по отношению друг к другу. А. В. Юдин, занимавшийся проблемой *Алатыря* в заговорах, писал: «В данном случае нельзя говорить о нескольких вариантах названия, так как отсутствует исходная каноническая форма. Здесь мы имеем дело с полем равноправных форм, лишь условно по принципу фонетического сходства и изофункциональности объединенных в одной статье» [Юдин, 1997, 196]. Трудно согласиться с тем, что эти формы равноправны, поскольку во многих случаях можно выявить направление преобразования форм, а значит, их первичность / вторичность. В приведенных выше случаях порядок появления вариантов определяется статистически: ясно, что единичные вторичны по отношению к частотным.

Кроме случаев «холостого» фонетического или словообразовательного варьирования, есть такие, когда происходит притяжение к другим словам. Процессы аттракции чаще всего имеют смысловое обоснование, но могут и не иметь его. Иначе говоря, *Алатырь* попадает в некое морфо-семантическое поле, которое обладает ассоциативно-контаминационной природой и вполне четкой концентрической структурой.

Имена, «наведенные» *Алатырем*, создаются с целью осмыслить это «темное» слово через приведение его к другой – значимой – целью оформленной лексеме. При этом внешне они могут быть похожими на *Алатырь* или отличаться от него, но обязательно содержат в своей структуре «отсылку» к нему – или звукокомплекс *ала-*, *ла-*, *лат-* и пр., или суффикс *-ырь* (*-арь*).

▪ *А/Олтар(ь)* (6 фиксаций: Поволжье, Белоруссия): «На море на океане, на матушке реке Йордане лежит камень олтарь сконца доверху, на тем камни стоит святая соборная церковь...» (Нижегор.) [НЗ, № 215]; «На морі-на океані, на річці Йордані, на камені-олтарі стоєть Матінка Пресвята Богородиця...» (восток Украины)¹³ [СМУ, 45]. Сближению *Алатыря* с *алтарем* способствует не только внешнее сходство этих слов, но и символично-мифологические свойства камня – ср. образ камня-трапезы, камня-жертвенника во многих культурных традициях. Эти обстоятельства служили аргументами и для научного обоснования этимологии *Алатырь* < *алтарь* (эту версию разделяли А. Н. Веселовский, В. Н. Мочульский и др.), которое, как говорилось выше, «не проходит» по фонетическим причинам. В то же время вторичное притяжение к *алтарю* вероятно и действительно: *алтарь* – не просто «ближайшая» значимая лексема, она очень удачна в смысловом отношении, имеет устойчивую привязку к христианскому нарративу, а значит, и собственный шлейф сакральности. Интересно при этом, что религиозные коннотации лексемы *алтарь* инициируют обязательное появление в текстах с участием *алтаря*-каменя других христианских образов – Богородицы, святой церкви и др.

Что касается реальной топонимии, то камень *Алтарь* обнаруживается, например, в Белоруссии [Карабанов и др., 2018, 51] (без указания точного места расположения объекта). На Русском Севере есть три топонима, образованных от апеллятива *алтарь*: покосы *Алтарі* на берегу вологодской реки Киюг (Сямж.) и архангельской реки Ёрга, а также *Волтарі* (*Алтарі*) – на берегу Илеши (В.-Т.) [ТКТЭ]¹⁴; во всех случаях речь идет о возвышенных ровных лугах, ср. арх. *алтáрь* ‘круглая чистая площадка на сенокосе между зарослями кустарника’ [СГРС, 1, 15]. Урочище *Латарі* отмечено также в Горнозаводском р-не Пермского края. Скорее всего, названия фольклорного топообъекта и реальных географических объектов никак между собой не связаны и возникли независимо: первый, как уже говорилось, – под влиянием

¹³ Последний текст нетипичен для украинской традиции, для которой ИС *Алатырь* в целом нехарактерно. Вступительная формула («Встану, благословясь...») выдает неустановленное заимствование из русской традиции (скорее всего, из современных переизданий заговоров), адаптированное к языку и стилистике украинских заговоров.

¹⁴ Последнее название – *Волтарі* – отмечается также в варианте *Волтари да Церкви*; по преданиям, здесь были чудские церкви, от которых сохранились только окладные бревна (В.-Т., Красная) [ТКТЭ]. Такая фольклорная интерпретация, конечно, говорит о сакральных коннотациях топонима.

мифооронима *Алатырь*, последние – благодаря «алтарной» символике камня (камень – основание церкви и под.) в христианской культуре и внешним признакам церковного алтаря.

▪ *Ладан, ладанный камень* (5 фиксации: Русский Север, центральная полоса России): «На окияне-море камень Ладан лежит. На этом на камне церква стоит...» (Киров.) [РЗЗ, № 2 254], «под красным солнышком окиян море, на окияне море ладан камень, на ладанном камне стоит Божья церковь...» (Тот.) [РК, 5/4, 44]. Еще одно свидетельство (и результат) христианизации образа волшебного камня в заговорах (см. *Алатырь*). Важно отметить, что сочетание *ладан морской* (*морской ладан*¹⁵), которое обозначает янтарь, выбрасываемый морем на берег, отмечается и в диалектной лексике – у поморов Архангельского Беломорья, в сибирских говорах побережья Северного Ледовитого океана (и даже оказывается занесенным в орловские говоры) [Даль, 2, 835, 942; Дуров, 2011, 219–220; Мосеев, 2005, 52; Подвысоцкий, 1885, 80; СибФр, 97; СРНГ, 16, 229; КСГРС]. При этом сакральный шлейф реалии весьма устойчив: в конце XIX и начале XX в. поморы окуривали *морским ладаном* снасти, привязывали к сетям для привлечения рыбы, «читая про себя или себе под губы заговоры и заклинания» [Подвысоцкий, 1885, 80; Дуров, 2011, 219]; современные поморы указывают на то, что *морской ладан* приносили в церковь [КСГРС], ср. также беломор. «Во церквы жгали клёз – морской ладан» [Мосеев, 2005, 52]¹⁶. Факты диалектной лексики в любом случае оказывают мотивационную поддержку заговорному *Ладану*, но появиться они могли как независимо от него (параллельное название янтаря на основе представлений о его магических свойствах, а также физических: янтарь легко воспламеняется и горит, издавая приятный аромат), так и в результате притяжения *Латырь* ↔ *ладан*.

▪ *Янтарь, камень янтарный* (2 фиксации: Урал, Поволжье), см. также выше *Линтварина* (Левобережная Украина): «Пойду я на Окиян море, на море стоит камень, на этом камне сидит старик, волосом сед, и сечет, и рубит по Янтарю камню...» (Перм.) [Майков, 1869, № 319], «Ляжу я, моляся, встаю, благословяся, выйду я в чисто поле, посмотрю на сине море. Там лежит камень,

¹⁵ Единично – в сибирских записях 1857 г. – фиксируется сочетание *ладонь морской*, появившееся в результате притяжения *ладан* ↔ *ладонь* [СибФр, 97].

¹⁶ Возможно, сюда же бурят. *ладан* ‘конусообразный камень’: «Если у ладана верх широкий, то острие в земле, а если острие наверху, то лучше ладаном не заниматься, а обойти стороной» [СРГС, 2, 190].

камень янтарный. Под этим камнем лежит щука, щука медная, зубы железные...» (русские села Татарстана) [РЗЗ, № 467]. Самое неоднозначное название, которое может трактоваться как контаминант (ср. финальную группу *-арь*), отсылающий к ИС *Алатырь*, а может пониматься как самостоятельное (апеллятивное или отапеллятивное) обозначение ископаемой смолы. Так или иначе, название камня в заговорах *янтарем* способно служить дополнительным аргументом для обнаружения конкретной породы, которая могла служить «денотатом» сакрального фольклорного камня: ср. упоминания об *алатырь-море* = Балтийском море, где добывают янтарь (об этом ниже, в статье *Латыши*), а также иранские версии происхождения слова *Алатырь*, в которых обыгрывается свойство «горючести» мифического камня – это же свойство характерно для янтаря¹⁷. Напомним, что одна из иранских версий (О. Н. Трубачева) базируется не просто на признании «горючей» природы камня, но и непосредственно указывает на янтарь как на реалию, которую обозначает этимон *Алатыря*. Этот же автор напоминает, что «минералогия называет янтарь наиболее замечательным камнем древности и основным драгоценным камнем Киевской Руси» [Трубачев, 1999, 129].

Значимость янтаря для народной культуры иллюстрируется, в частности, тем, что во многих русских говорах есть обозначения как самого янтаря¹⁸, так и украшений из него, при этом симптоматично наблюдаемое иногда расширение семантики, при котором производные от *янтаря* обозначают не только янтарные бусы, но и бусы вообще, ср. арх. *антарі* [АОС, 1, 72], арх. *антáрики*: «Антарики разны цветá были: и белы, и розовы, и сини» [СГРС, 1, 18], морд. *янтарі* [СРГМ, 2] и т. д. *Янтарь* широко представлен и в фольклоре, при этом в контексте нашего исследования особенно интересно, что в одной из былин, записанных в Сибири, камень, под которым явно подразумевается янтарь, назван *латаром*: «Только трем стрелкам цены не ведает – / Во ушках були стрелки садённые / По камешку по латару, по яхонту» [цит. по: Праведников, 2013, 32].

¹⁷ На этом свойстве основано и немецкое название янтаря – *Bernstein* (букв. «горючий, горящий камень») [Аникин РЭС, 4, 287]; ср. также укр. *горілий камінь* ‘янтарь’.

¹⁸ Преимущественно это многочисленные варианты слова *янтарь* – начиная от самых частотных типа *антарь* и кончая редкими – пск. *линтáрь* [ПОС, 15, 73], оренб. *натарі́нка* ‘янтаринка’ [Малеча, 2, 530] и др. Есть и лексемы со значением ‘янтарь’, имеющие другое происхождение: арх. *клѣз, морской ладан* [Мосеев, 2005, 52] и др.; в южных говорах встречаются также слова, восходящие (через польское посредничество) к немецким данным (см. предыдущее примечание).

Надо также иметь в виду, что янтарь служит эталоном прозрачного, светлого. Это проявляется нередко по отношению к жидкостям (литер. *вино* <чистое>, как *янтарь*, уха как будто *янтарем подернулась*; «Масло чистое, зорное, светлина такая, словно слеза янтарная» [Даль, 4, 143]; селигер. «С брызгу долой самогонка, чистая, как янтарина» [Селигер, 7, 11] и т. п.), в том числе – и это для нас особенно интересно – к воде в роднике, реке, море: книжн., фольк. (беломор.) *гореть* (*блестеть*) как *янтарь* (*янтарем*), *море как янтарь горит* ‘о чем-либо (водной поверхности, стволах сосен, освещенных солнцем, листе и т. п.), отливающим ярко-желтым, полупрозрачным светом’ [БСНС, 145, 778], смол. *янтáревый* ‘светлый, прозрачный’: «В рьднике тыкая вадица чистыя, йинтаривыя», «Слезы йинтаривы ллюцца, як деука плачить» (загадка о роднике) [ССГ, 11, 177]. Это свойство янтаря накладывает на представления о его «водном» (морском) происхождении, а также на факт тесного взаимодействия воды и камня в заговорах (см. об этом ниже).

Интересен и такой момент: в говорах *янтарь* может фонетически смешиваться с *алтарем*, причем процесс смешения работает в обоих направлениях (от *янтаря* к *алтарю* и наоборот): смол. *алтарí* ‘янтарные бусы’ [ССГ, 1, 70], арх. *алтарёвый* ‘янтарный’ [СГРС, 1, 15], ряз. *янтáрь*, яросл. *ентáрь*, вят. *антáрь* ‘алтарь’ [Ванюшечкин, 1, 255; СРНГ, 8, 361; ОСВГ, 1, 27]. Неизвестно, поддерживается ли такое смешение со стороны смысла: возможно, поддержка осуществляется на уровне самых обобщенных коннотаций сакральности у *алтаря* и *янтаря*.

Итак, *янтарь* и *алатырь* связаны самым прочными и разнообразными связями – как слова и как понятия. Если лексические связи не являются в конечном счете этимологически релевантными, то в качестве вторичных они очень действенны, поскольку приводят к появлению лексических единиц контаминационного характера, в том числе обозначения камня *Янтарь* в заговорах.

▪ *Лаза(ы)рь* (2 фиксации: Русский Север, юг России): *камень Лазарь* (Дон.) [Проценко, 1998, № 289]; «пойду путем-дорогою во цисто поле, во цистом поле лазырь-камень. С под лазаря-каменя выбегает триста воуцков и три воуйка...» (Сегеж.) [Курец, 2000, № 318]. Снова апеллирование к библейскому тексту в поисках номинативной опоры для непрозрачного оронима (ср. *Алтарь*, *Ладан*).

▪ *Латыш* (2 фиксации: Русский Север): «выйду я в чистое поле, в чистом поле Океан море, в етом Океане море латыш ка-

мень, под этим латыш камнем щука глотуха...» (Олон., Пудож.) [Мансикка, 1926, № 49]. Здесь занимательное пересечение с давно отвергнутой этимологией *Алатыря*, предложенной А. И. Соболевским [1891]: *латырь* — «сокращение» этнонима *латыгор* ‘латыш’, а значит, *латырь-камень* – это ‘Латышская гора’, ‘Латышский хребет’; ср. также мнение Якобсона о происхождении *Алатыря* из *Лотыгола* ‘Латгалия’ и разыскания Надеждина, согласно которым *алатырь-море* – это Балтийское море [см.: Журавлев, 2005, 453; Трубачев, 1999, 131; Фасмер, 1, 69; Юдин, 1997, 194–195]. Однако сходство слов *Латыши* и *Латырь* слишком велико, а смысловая цепочка «латыш – янтарь» слишком длинна, чтобы рассуждать о целесообразности этой версии (в качестве этимологической, а не народноэтимологической для *Латыря*).

▪ **Лабастаревый камень** (1 фиксация: северо-запад России): «Как на синем на море, на лабастаревам камне выютца выючки...» (Пск.) [НТКПО, 1, 496]. Как и в случае с *Янтарем*-каменем, факт неоднозначный. С одной стороны, несомненно фонетическое сходство со словом *Алатырь*, а значит, не исключена возможность вовлечения *алебастра* в ассоциативно-контаминационное поле ИС *Алатырь* в качестве контаминанта; с другой стороны, ср. версию С. Гуляева, согласно которой *Алатырь* < греч. ἄλβαστρος ‘алебастр’ [цит. по: Журавлев, 2005, 453]. Последнее с формальной точки зрения маловероятно, но в смысловом плане имеет поддержку: 1) алебастр белого цвета, а сакральный камень имеет постоянный эпитет *бел-горюч* (именно цвет мог стать решающим фактором при замещении сложного слова *Алатырь* названием алебастра, ср. *Белатырь* ниже); 2) у *Алатыря* в западноевропейских традициях есть соответствие «мраморный камень» (франц. *la pierre de marbre*, нем. *der Marmorstein*), на которое указывает А. В. Юдин [1997]. Известно, что термин *алебастр*, известный с античности, обозначал не только гипсовый порошок, но и (в основном) кальцит, который применялся для изготовления ваз, сосудов, саркофагов и пр. и внешне похож на мрамор. В силу этого кальцитовый алебастр может называться также *мраморным ониксом*, *оникс-мрамором*, *алебастр-ониксом*, просто *ониксом*. В связи с мрамором см. ниже *Мармон-камень*.

В ряд «наведенных» *Алатырем* названий могут попадать и совершенно случайные значимые слова, будто «подслушанные» на стороне, чье притяжение семантически никак не оправданно, а объясняется только частичным фонетическим сходством со знаменитым мифооронимом.

▪ **Лодырь** (1 фиксация: Литва): «Там на море-океане лежал Лодырь-камень, на том камне сидела девица...» [ФСЛ, № 858].

▪ **Нашатырь** (1 фиксация: Русский Север): «выду я в чистое полё, приду к синему морю, стану я на Нашатырь камень, сгляну я на восточную стороны...» (Шенк.) [Колосов, 1877, 182].

▪ **Латаный** (1 фиксация: юг России): «На море, на океане, на острове, на кургане стоит столб латаный...» (Ставроп.) [Мажников, 1893, 130]. В этом последнем случае примечателен не только межчастеречный переход ИС, но и отказ от упоминания камня – симптом сильного разрушения традиции.

Наблюдение над вариантами ИС *Алатырь* и «наведенными» под его влиянием онимами показывает, что, хотя те и другие и встречаются в заговорах, зафиксированных на Русском Севере, в большей степени «фантазии на тему» *Алатыря* характерны для текстов, бытующих в других регионах – на юге и западе России, в центральной ее полосе, на Урале и в Сибири, а также в Белоруссии и даже на Украине (единично). Не стоит ли расценивать искажение исходного онима как еще одно проявление размывания / вторичности номинативной традиции в этих регионах, а большую стабильность названий *Алатырь* / *Латырь* на Русском Севере – как подтверждение того, что имя камня «родилось» именно здесь?

Эпитеты *Алатыря*

В литературе неоднократно отмечалось, что главные эпитеты, сопровождающие ИС *Алатырь* в заговорных текстах, – *бел(ый)* и *горюч(ий)* [Агеева, 1982, 141; Праведников, 2013; и др.], и наши наблюдения над русскими и белорусскими заговорами в целом это подтверждают. Первое место, безусловно, принадлежит эпитету *бел(ый)*: в нашем материале текстов, где он фигурирует, не менее 70.

Самая частотная формула, описывающая сакральный камень в восточнославянских заговорах, – *бел(ый) камень Латырь* (и другие варианты / контаминанты этого ИС): она встречается в контекстах чаще, чем просто *камень Латырь* / другие варианты / контаминанты (без условно цветового обозначения). Еще чаще, по подсчетам Р.А. Агеевой [1982], возникает в русских магических текстах сочетание *бел(ый) камень* (без ИС), которое характерно для фольклора всех славян и передает общеславянские представления о магическом камне.

Принципиальную важность постоянных эпитетов магического камня сразу почувствовали исследователи – как говорилось выше, большинство предлагаемых этимологий *Алатыря* опирается на анализ его эпитетов или поддерживается им: *бел(ый)* понимается как ‘блестящий’, *горюч(ий)* – как ‘способный воспламениться’, ‘горячий’, и на основании этих реальных свойств пород и минералов осуществляется атрибуция магического камня (в основном речь идет о янтаре).

В нашей коллекции на данный момент насчитывается 12 примеров *бел-горюч камня Латыря*, и только два из них приходятся на Русский Север, остальные фиксируются за его пределами. Имеется еще 15 примеров того же эпитета (*бел / сер горюч*), но уже без имени *Латырь* (*бел / сер горючий камень*). Они известны и на Русском Севере, и за его границами. Получается, таким образом, что отчасти эпитет *бел-горюч* находится с именем *Алатырь* в отношениях дополнительного распределения.

Если вспомнить версии В. В. Мартынова и О. Н. Трубачева о том, что между эпитетом и именем *Алатырь* имеются также отношения калькирования, то возможны два противоположных варианта интерпретации сочетания *бел-горюч камень (Алатырь)*: 1) эпитет употребляется при имени *Алатырь* в той зоне, которая «помнит» о калькировании, – это в широком смысле юг (не Русский Север); 2) эпитет заменяет имя, чтоб избежать избыточности, дублирования смыслов, – и это происходит там, где об этих смыслах можно не напоминать (на Русском Севере). Первый вариант более вероятен.

Признак белизны (реже горючести) – доминанта образа камня: не являются исключением случаи, когда к постоянным эпитетам *Алатыря* в текстах добавляются другие, более редкие характеристики. Ср., например, *бел сер горюч камень*, *бел красной Латарь камень*, *бел золотой камень*, *бел-свят камень латырь*: «И среди Акиянова моря стоит бел сер горюч камень» (Тот.) [Виноградов, 1, № 20]; «Есть святое море Акиян, а на том святом море Акияне лежит бел Латарь красной камень» (Сиб., XVIII в.) [ОЧ, 259]; «Во святом чистом поле Акиан, святое море, в Акиане, святом синем море есть бел золотой камень; на каковом белом золотом камени стоит золот стул, на золотом стуле сидит Святая Мария, на золотом блюде держит Святая Мария золотые ножницы...»¹⁹ (Сольвыч.)

¹⁹ В этом и следующем контекстах следует обратить внимание на нанизывание эпитетов – *злат* и *свят* соответственно. Эта лексическая инерция может быть причиной возникновения дополнительных (кроме *белого*) характеристик магического камня.

[Ордин, л. 102 об.]; «... полетели мы <вороны>, св. Илия милостивый, и понесли мы те замки и ключи во святое море акиян от того р. б. и. и положим мы те ключи и замки во святом море акiane под бел-свят камень латырь...» (Пин.) [Ефименко, 1878, 191].

Думается, что подобные примеры не просто подтверждают устойчивость фольклорной номинации *бел(-горюч) камень*, но и указывают на мифологическую (а не только цветовую) символику *белого*, который является маркером сакральности объекта (последний может иметь при этом и серый, и красный цвет, как, например, гранит, песчаник и мн. др.). Об этом свидетельствуют также данные реальной топонимии: так, на территории Белоруссии обнаружено около десяти сакральных (почитаемых) камней, именуемых *Бельми* [Карабанов и др., 2018, 36]. О нецветовой, в том числе оценочной, семантике атрибутива *белый* и композитов, возникших на его основе, в эпической поэзии Русского Севера см. специально [Багликова, 2003].

Закрепленность сочетания *бел(ый) камень Латырь* приводит к возникновению в текстах заговоров имени-лигатуры *Белатырь / Белолатырь* и под. (< *бел Латырь*) (порядка 15 фиксаций: Русский Север, центральная полоса и юг России, Сибирь, Урал, Северо-Запад, Литва): «И в окияне в море белолатырь камень и под тем камнем есть бела рыба-щука...» (Сольвыч.) [Ордин, л. 7]; «восточная сторона, липовый куст, под тем липовым кустом лежит белатырь камень...» (Пск.) [РК, 6, 280]; «в цистом поли синё морё, в синём мори биллатарь каминь...» (Пудож.) [Мансикка, 1926, № 87] и пр. Лигатура, в свою очередь, «обрастает» вариантами (по той же глоссологической схеме, что и в случае с *Алатырем*, см. выше): *белотырь* («На окияне море камень стоит белотырь, на белотыре камне стоит соборная апостольская церковь...» (Перм.) [Первушин, 1897, 330]), *белабер* («Ужуха-малануха, у лесе не ляжы, белабер-камень не ліжы і не тыч сваім жалам...» (Берез.) [Зам-09, № 561]), *белоластырь* («В киян-море стоит камень-Белоластырь, на камню Белоластыре стоит Божья церковь» (Перм.) [Серебренников, 1918, 16]).

Как в слове *Алатырь* имяпорождающей силой обладали компоненты *ала-*, *ла-*, *лат-* и суффикс *-ырь (-арь)* – именно они «собирали» вокруг оних контаминационное поле, – так в *Белатыре* центром притяжения становится элемент *бел-*. Народное языковое сознание так же пытается не только «похоже скопировать», но и переосмыслить десемантизированный, изначально сложный и требующий «фоновых знаний» о *белом камне Алатыре* оным, на-

делить его значением, опираясь на семантическое звено 'белый'. Ср., например, такие сложения-контаминанты: **Белороб** («На море-окиане, на большом Буяне стоит дуб, стара-дуб, под этим дубом, стара-дубом лежит камень Белороб, на этом камне Белоробе сидит змей-Скороспей» (Орл.) [Попов, 1903, № 116]), **белагор** («На сине море лежит белагор камень: на тем камне стоит зеленый дуб...» (Томск.) [Зеленин, 1905, 59]). Встречаются и результаты межчастеречного перехода: **белолатной** («В этой во святой Рыжикове есть белолатной камень...» (Леш.) [РЗЗ, № 2 164]), **белуятной** («На Окиане-море лежит белуятной камень, на том камне стоит престол; на том престоле сидит сама мати Пресвятая Богородица» (Сольвыч.) [Ордин, л. 12 об.]). Особо отметим название **белорус**: «На море на океане, на высоком кургане стоит дуб-скородуб. Под тем дубом-скородубом лежит камень-белорус» (Калуж.) [РЗЗ, № 1 958]. С одной стороны, его можно рассматривать в представленном выше ряду; с другой, здесь можно предполагать связь с этнонимом *белорус* (либо первичную, либо вторичную): заговор записан на территории, пограничной со Смоленщиной, поэтому упоминание этого этнонима вполне актуально.

Суффикс *-ырь*, яркий знак *Алатыря*, тоже «работает» – хотя и реже – и в случае с *Белатырем*, намекая в составе имен на их отношение к магическому камню, ср.: Пилатырь²⁰ («Что на море, на океане лежит белый Пилатырь-камень...» (старообрядцы Литвы) [ФСЛ, № 826]), Болотырь («Гад, гад... не примет тебя ни куст, ни вода, ни Болотырь-камень» [Там же, № 831]).

Занимательное свойство компонента *бел-*, эпитета *бел(ый)*, маркирующих магический камень, – способность иногда «провоцировать» появление в заговорных текстах цепочек из цветowych характеристик, состоящих из одинаковых (*белый*) или разнокорневых прилагательных (другие условно цветovые эпитеты при названиях камней, о которых см. ниже, такой «властью» не обладают). Ср. примеры: «В Окиан-море пуп морской; на том морском пупе – *белый* камень Олатырь; на *белом* камне Олатыре сидит *белая* птица. Летала та *белая* птица по городам и пригородам, по селам и при-селкам, по деревням и придеревням; залетела тая *белая* птица к рабу Божиему (или рабе Божией) имя рек и садилась на буйную голову, на самое тия; железным носом выклевывала, булатными когтями выцарапывала, *белыми* крыльями отмахивала призо-ры и наговоры» (Петрозаводск) [Виноградов, 1, № 35]; «...пойду

²⁰ Не под влиянием ли библейского *Пилата*, особенно учитывая среду бытования заговора – старообрядцы Литвы?

в чистое поле, стану на белой камень латырев, погляжу под восточную сторону, из-под восточной стороны идет синий кузнец...» [РО ИРЛИ, р. V, колл. 192, с. 261, № 36] и т. д.

Думается, лексическая инерция «запускается» белым не только благодаря его позиции в начале текста (если *Алатырь* упоминается в связи с мотивом мифологического центра, что происходит чаще всего), но и в силу доминантной роли этого цветообозначения в заговорном континууме – если мы действительно думаем о наличии у него мифологической (а не только цветовой) семантики.

Следует, однако, оговорить, что магическому камню *Алатырю* не всегда и не исключительно приписывается свойство белизны (и уж точно не всегда свойство «горючести»): он может быть и другого цвета. Так, в архангельских былинах *Алатырь* в основном *серый* или *серый-горючий*, в олонекских былинах он может быть еще *черным* и *синим* [Праведников, 2013]. На существование *синих* и *серых* (-горючих) *Алатырей* в заговорах и былинах указывает также А. Ф. Журавлев [2005, 454–455, со ссылками на литературу], который, опираясь на данные реальной топонимии северновеликорусских и среднерусских говоров (*Синие* и *Белые Камни* в микротопонимии Вологодской, Новгородской, Ярославской и др. областей), подчеркивает не цветовую, а мифологическую семантику этих эпитетов (подробнее см. ниже).

В нашем материале упоминается *серый горючий камень* («На море, на окиане, на острове на Буяне лежит сер-горюч камень...») (Беломор.) [Курец, 2000, № 240]), *синий камень* («На океан море есть синь глад камень, на синь глад камне стоит церковь...») [Вашкинский, 1902, № 37]), *синь золотый латырь-камень* (Моск.) [Перегудов, 1927, 196]), а также *симень камень* («В окиан море симень камень, на камени престол, на престоле Богородица...») (рукоп.) [Ефименко, 1878, 209]). На последнем остановимся подробнее. Очевидно, это название возникло на основе эпитета *синий*, при этом *-мень* в слове *симень* «наведено» последующим парным словом *камень* (ср. *синь камень*). Помимо цветовой мотивации, выбор такого эпитета, как *синий*, имеет дополнительные обоснования: в микротопонимии широкой зоны, связанной с севернорусскими и среднерусскими говорами, *Синие камни* нередко обозначают сакральные объекты (молебные места, жертвенники), при этом допускается финно-угорское происхождение соответствующих магических практик (ср., например, статью А. К. Матвеева, считавшего *Синие камни* «мерянскими индикаторами русского происхождения» [Матвеев, 1998, 97]). Разумеется, в каких-то случаях

мифологические коннотации *Синих камней* могут и не определяться финно-угорским влиянием: так, на территории Белоруссии тоже есть сакральные валуны с названиями *Синий* и *Черный* [Карабанов и др., 2018, 36]. Можно предполагать и проявление в этом цветовом эпитете этимологической семантики *синего*, связанного с *сиять* [Журавлев, 2005, 454]. Ср. интересный пример, в котором текстуально проявляется эта этимологическая связь (речь идет о *синем море*): «На море, на сиянии, на острове на Буяне лежит камень Буйло» (Сарат.) [Булушева, 1994, 50].

Однако самым частотным и значимым среди условно цветовых после *белого* стоит признать обозначение *Алатыря злат(ый, ой)*. Оно встречается в текстах порядка десяти раз (Арх., Сарат., Новг., Карел., Моск.), ср., например: «В чистом поле злат камень, на злат камне сидит злат птица...» (Пудож.) [Курец, 2000, № 115]; «В море, в океане лежит камень златый...» (Новг.) [ФНО, 296]; «Выйду в чисто поле; в том чистом поли стоит крест животворящей, за тым крестом животворящим есть златой камень...» (Беломор.) [Курец, 2000, № 305]. Сюда же нужно, видимо, отнести случай *млат* < *злат*: «На мори-акияни, на острам Буяни ляжыть каминь латарь (млат). Пат тым латырим (млатам) 9 сасоф (жаб-ангин), от 9 8 и т. д.» (Дон.) [Проценко, 1998, № 2]. Известны и другие формы соответствующего прилагательного (причастия) – *злачен*, *злочан*, *злачий*: «В цистом поле есть океян-море. В океяне-море есть злачен камень. Во златом камню есть шука златокрыла, златопёра...» (Мез.) [РЗЗ, № 2 162]; «На восточной стороны есть чистое поле, в этом поле есть злочан камень, под этот камень приходит шука с железными щеками, с острыми зубами...» (Арх.) [Там же, № 2 167]; «...в окияне-море есть злачий камень, под злachim камнем есть триста волков» (Беломор.) [Курец, 2000, № 172].

Возникает вопрос о причинах наделения сакрального камня характеристикой *злат(ый)*, и таковых существует по меньшей мере две. Первая – несомненное сходство слов *златы(ой)* и *Алатырь*, содержащих звукокомплекс *-лат-* в сильной позиции (обзор вариантов ИС *Алатырь* и «наведенных» им лексем, представленный выше, не оставляет сомнений в имяпорождающей природе этой «сердцевины» мифотопонима). В то же время существование ряда текстов, где прилагательное *злат(ый)* дополняет «первую», основную характеристику камня (ср. *бел златой камень* [Ордин, л. 102 об.], *синь златый латырь-камень* [Перегудов, 1927, 196]), наводит на мысль о дифференциальной значимости признака «золотой» для *Алатыря*. Прилагательные *златой*, *златый*, *золотой*,

а также составные слова с компонентом *злат-* в истории языка и в говорах имеют три основные группы значений: 1) 'имеющий непосредственное отношение к золоту, сделанный из золота', 2) 'столь же ценный, как золото, т. е. обладающий исключительной значимостью', 3) 'золотистый, желтый, такого же цвета, как золото'. При разговоре о сакральном камне нас должны интересовать последние два значения – но никаких других эпитетов, указывающих на исключительную значимость камня Алатыря, в восточнославянских заговорах мы не обнаруживаем, а раз за разом наталкиваемся на цветовую модель (*белый камень, серый камень, синий камень* и т. д.). Значит, скорее всего, подчеркивается желтизна, золотистость волшебного камня. Так мы снова приходим к мысли о том, что *Алатырем* мог называться янтарь.

В заключение нужно упомянуть еще одно обстоятельство: в русских заговорах частотно такое обозначение камня, как *Златы(а)рь* (17 фиксаций: Русский Север, Поволжье, центральная часть России, Урал, Белоруссия). Наиболее правдоподобна версия, что это такая же семантизация «темного» слова *Латырь* (з- + *латырь*), как и приводившиеся выше «наведенные» слова типа *Ладан, Латыши* и пр. Ср., например, следующие тексты: «И в том море-Окиане есть златырь камень, на том же златыре камне есть птица...» (Нижегор.) [Шейн, № 48]; «Есть в Окиане море Златырь-камень, под тем под Златырем камнем стоит щука-калуга...» (Влад.) [Майков, 1869, № 25], «На том окияне-море есть Златарь-камень, на том Златаре-камне стоит святой остров, на том святом острове стоит святая церковь...» (Вилегод.) [Р33, № 1 009] и др. Нередко *Златырь* в текстах входит в состав формулы *бел камень (бел латырь камень → бел златырь камень)*: «...в Окиян мори Окиян остроф, в Окиян острову бел златырь каминь» (Пудож.) [Мансика, 1926, № 44], см. также *бел Златырь камень* (Перм., Калуж.) в [Петухов, 1859–1860, 128; Л., 1865, 337; Первушин, 1897, 329]. Занимательно, однако, что конструкции типа *бел златырь камень* вполне могут пониматься как эквивалент упомянутым выше *бел златой камень, бел сер горюч камень, бел красной Латарь камень, синь златый латырь-камень*, где *камень* обладает двумя характеристиками, одна из которых имеет мифологическую, а другая – цветовую семантику. Интересную параллель фольклорному *Златырю-камню* встречаем в реальной топонимии Белоруссии: *Золатырь* (без указания точного места) [Карабанов и др., 2018, 51] – возможно, это единственный (или один из немногих) случай влияния фольклорной традиции на системную топонимию.

Между тем, возвращаясь несколько назад, к первому значению прилагательного *златой*, *златый*, *золотой* и составных слов с компонентом *злат-*, а именно ‘имеющий непосредственное отношение к золоту, сделанный из золота’, приходится признать, что оно также довольно активно реализуется в заговорах, однако исключительно в севернорусских. Во-первых, *златый* или *Златырь-камень* востребуется в заговоре в значении ‘сделанный из золота как металла’, что провоцирует появление в текстовом пространстве указаний на другие металлы, обычно в виде характеристик частей тела, крепостью походящих на металлические («В синем море стоит златырь-камень, под златырем камнем стоит щука медная, зубы железные, щеки былатные, глаза оловянные») (Беломор., от грыжи) [Курец, 2000, № 169]), предметов, сделанных из металла («Там лежит златырь-камень. По этому камню ударю я вострой саблей – и не подается ни кровь, ни руда») (Карг.) [РЗЗ, № 1 649]) либо, наконец, просто в образах железных людей («На Океане море лежит Златырь камень, на Златыре камне стоит соборна церква, в той церкви соборной стоит престол, а за престолом стоят триста коней железных и триста мужей железных») (Вят.) [Майков, 1869, № 181]). Во-вторых, осмысление заговором золота не просто как металла, а именно как драгоценного металла превращает прилагательное *золотой* в постоянный эпитет, благодаря чему в нем появляются *золотые* артефакты, животные, части их тела и т. д., ср.: «...в Акиане, святом синем море есть бел *златой* камень; на каковом белом златом камени стоит *золот* стул, на *золотом* стуле сидит Святая Мария, на *золотом* блюде держит Святая Мария *золотые* ножницы...» (Сольвыч.) [Ордин, л. 102 об.]; «В чистом поле *злат* камень, на *злат* камне сидит *злат* птиця, – *перья* *златые*, *крылья* *златые*, *золотой* *фост* и *золотой* *нос*» (Пудож.) [Курец, 2000, № 115]; «В океане-море есть *злачен* камень. Во *златом* камню есть *щука* *златокрыла*, *златопёра*...» (Мез.) [РЗЗ, № 2 162]; «...в том чистом поли стоит крест животворящей, за тым крестом животворящим есть *златой* *камень*; из под того *златого* *камня* кипит *ключ* *золотой*...» (Беломор.) [Курец, 2000, № 305]. Значение золота как драгоценного металла формирует определенный тип заговорного универсума, в котором преобладают лица и предметы высшего порядка, отвечающие концепции сакрального центра: «...пойду из дверей в двери в *тисто* *поле*. В *тистом* *поли* – *златой* *камень*, на *златом* *камени* – *красна* *дивитя*, *иголотька* *золотая*, *нитотька* *шелковая*» (Пудож.) [Там же, № 252].

Глава 2 ИМЕНА КАМНЕЙ, НЕ СВЯЗАННЫЕ С АЛАТЫРЕМ

Имена камней, не связанные с *Алатырем* / *Латырем*, представляют собой довольно пестрое собрание, отличительной чертой которого является единичность, неповторяемость отдельных входящих в него наименований.

Некоторая эксклюзивность этих одиночных ИС подчеркивается еще и тем, что практически все они входят в заговоры без каких-либо постоянных эпитетов камня (типа *белый, серый, синий, горючий*). Впрочем, если присмотреться к разнообразным вариантам самого *Алатыря*, которые были приведены выше, то можно заметить, что чем дальше тот или иной вариант уходит от канонической формы, тем выше вероятность того, что он будет встречаться единично и не будет снабжен постоянным эпитетом.

Вместе с тем разбор «не-алатырей» (тех из них, которые поддаются мотивационной интерпретации) позволяет увидеть важные и интересные грани заговорного образа камня. Обзор мы начнем с тех ИС, в которых отражены (на уровне первичных или вторичных связей) названия собственно камней или «камнеподобных» материалов: *Аспид, Мармон, Курбич, Рубин*.

▪ *Аспид* (3 фиксации: Сибирь, Русский Север): «И есть окиян море, на том море есть аспид каме(нь), а спускаетца сама Пресвятая на тот камень <...> На том белом камени святой Егорей аседлывает своего белого коня...» (Сиб., XVIII в.) [РЗРИ, 316]; «У синего моря стоит аспид каменный. У аспидка каменного сидят две девы мати Марии» (Карг.) [РЗЗ, № 628]; «Есть на сем свете камни аспид, и к тому камению аспиду прилетают птицы ластовицы...» (рукоп.) [РЗРИ, 343]. Здесь отражено старое (древнерусское и старорусское) название объективно существующей реалии, точнее разных реалий, обозначающих камни и минералы: *аспид* 1) ‘яшма, пестрый плитняк’, ‘красивый поделочный камень (яшма, первоначально также мрамор’; 2) ‘ископаемое, иссера-черный сланец, идущий на столешницы, на письменные доски’, ‘черный глинистый сланец’, ‘различного вида минералы: яшма, сланец, сланцевый плитняк’, восходящее в конечном счете к др.-греч. ἰασρίς, -ίδος ‘яшма’ (исходно – любой непрозрачный драгоценный камень) [Аникин РЭС,

1, 318–319]. Важно отметить, что в том же сборнике заговоров и молитв (XVII в.), где представлен заговор с упоминанием *каменного аспид* (последний из приведенных выше контекстов), также есть статья о драгоценных камнях, в которой тоже упомянут камень *аспид*: «В 3-м месте у сосуда моево бысть 4 камени: 1 камень бечета, 2 камен(ь) виниса, 3 камень аспид светло зелен, приходили в нем струи черленыи, тот камен(ь) лутчи всех аспидов» [РЗРИ, 349]. Судя по описанию, в статье имеется в виду яшма (возможно, гелиотроп); в заговоре же могла подразумеваться не собственно яшма, а какая-либо более «простая» сланцевая порода, но разновидность, разумеется, определить невозможно – да и не нужно. Интереснее другое. Вероятно, мы сталкиваемся с взаимодействием генетически разных *аспидов*: с одной стороны, камня, с другой – змеи. При чем тут змея? Дело в том, что в заговорах упоминается *глухой аспид*, ср.: «Спаси, Господи, и соблюди раба своег(о) имярек от татя и от разбойника, и от ведуна, и от ведунихи, завяжы им, Господи, гортан(ь) их и уста, аки у безсловесног(о) скота, и заткни его уши, аки аспида глуха ...» [РЗРИ, 115]. Как заметил А. Л. Топорков, в данном случае имеется в виду ядовитая змея, упоминаемая в Священном Писании, которой приписывается глухота [Там же, 228]. Обозначение этой змеи – *аспид* – гетерогенный омоним по отношению к названию камня (змеиное имя возводится через ст.-слав. к др.-греч. ἄσπίς, -ίδος ‘змея *Coluber aspis*, египетская кобра’ = ? ἄσπίς ‘щит (по форме шеи нападающей кобры)’ [Аникин, РЭС, 1, 318]). Но еще в античности (а затем и в славянской средневековой книжности) эти омонимы не могли не столкнуться в текстах мифологического содержания: по поверьям, яшму получали из крови или находили в голове аспид-змея [Белова, 2001, 60–61]. В изучаемых нами заговорах непосредственно змея не упоминается, но взаимодействие двух омонимов в магическом фольклоре, возможно, привело к активизации слова *аспид*, а главное, актуализации признака нечувствительности / невосприимчивости / глухоты (камень не слышит / не чувствует боли). Таким образом, *каменный аспид* – вероятно, любопытное проявление этимологической магии.

▪ **Мармон** (1 фиксация: Урал): «В синем море стоит остров. На тем острове лежит Мармон-камень, на этом камню стоит царь Соломон» (Перм.) [Серебренников, 1918, 13]. В этом тексте, вероятно, имеется в виду мрамор, для которого в истории

русского языка фиксируется название *мармор* [СлРЯ XVIII, 13, 56]. Это слово восходит к лат. *marmor*, являющемуся фонетически преобразованным под влиянием латинских существительных на *-or* заимствованием греч. *μάρμαρος*, у которого значение ‘мрамор’ представляет специализацию первичного ‘кусоч камня, камень’ [ЭСРЯ, 10, 343]. Конечное *-н* в слове *мармон* – результат ассимиляции носовых согласных либо притяжения к *камень*.

▪ **Кирбич** (1 фиксация: Белоруссия): «На мори на кияни ляжить камянь кирбич, на камяни ляжить вужу...» (Гомел.) [БС, 122, № 350]. Думается, что здесь, в отличие от предыдущих «благородных» камней, подразумевается *кирпич*; в белорусском языке это слово является заимствованием из русского [ЭСБМ, 5, 39]. Нам не удалось найти такой фонетический вариант в белорусских диалектных словарях, но, возможно, мы обладаем неполной выборкой; сам по себе вариант вполне вероятен.

▪ **Рубин** (1 фиксация: Забайкалье): «На острове Буяне лежит Рубин камень. На камне стоят три гробницы. На тех гробницах сидят три прекрасные девицы...» [Логиновский, 35]. Здесь связь с названием драгоценного камня *рубин*, скорее всего, вторична. Более вероятно, что в основе имени *Рубин* – слово с корнем *руб-*, имеющее семантику *рубежа*, границы. Помимо литературного *рубеж*, у которого эта семантика носит абстрактный характер, в говорах известен ряд принадлежащих этому гнезду слов, где значение границы, края выступает в конкретном ландшафтно-топографическом смысле, ср. арх. *рубán*, енис. *рубéц* ‘край льда, примерзшего к морскому берегу’ [СРНГ 35, 213, 224], *рубéц* ульян. ‘возвышенное место, гряда’, новг. ‘порог’ [Там же, 224], ворон., казан., новг., курск., орл., яросл. *рубéж*, сарат. *рубежіще* ‘межа, в том числе межа, идущая по гребню холма, по водоразделу’ [Там же, 219, 221], перм. *рубéж* ‘хребет гор’ [Там же, 219] и др. Как видим, в словах этого гнезда семантика собственно границы может сочетаться со значением возвышенности, что соответствует смыслу заговорного текста. Возможно, слово с корнем *руб-* и описанной семантикой подверглось притяжению к названию драгоценного камня.

Обратимся теперь к заговорным названиям камней, в которых отражены физические свойства камня.

▪ **Булат** (3 фиксации: Белоруссия): «На моры, на акіяне, на востраві Буяні, там ліжав Булат-камень» (Гомел., Ветк.) [ТЗС,

№ 496]; «...зубы <...> шчоб не болели, шчоб окаменели, як булат камень ў воде» (Брест., Стол.) [ПЗ, № 519]. В основе имени – слово *булат*, что мотивировано представлениями о тяжести и крепости как отличительных признаках камня. В связи с этим полезно привести арх. *булат* ‘очень твердый предмет’ [АОС, 2, 171], а также напомнить о том, что слово *булат* вообще весьма популярно в разных жанрах фольклора, в том числе в воинских заговорах и заговорах от порчи, где с ним связывается значение крепости и невосприимчивости к внешнему воздействию (ср.: «Заговорю твое тело белое и закреплю крепче стали и булату, крепче меди и укладу» (Арх.) [Ефименко, 1878, 220]). Возможно, на появление этого микропонима определенное влияние оказала основанная на созвучии аттракция к названию острова *Буян*. Наконец, здесь мог проявиться и фонетический потенциал *Алатыря* (с его многочисленными вариантами), ср. хотя бы название *Лат камень*, рассмотренное выше.

▪ **Пласт** (1 фиксация: Белоруссия): «На море, на океяне, на острове на Баяне там лежыць Пласт-камень. А на том камне сидзиць змея Кацерица...» (Гомел., Лельч.) [ПЗ, № 531]. Наиболее близок к этому названию эпитет камня *пощатый*, представленный в другом заговоре: «На море-океяне, на острове Буяне стоит пощатый камень, на том камне лежит атаман Кияш, атаманиха Кияша» (Калуж.) [РЗЗ, № 2 185], ср. диал. шир. распр. *поща́тый* ‘плоский, ровный, гладкий’ [СРНГ, 27, 162]. Что касается слова *пласт*, то в белорусских диалектах (как и в других славянских языках) оно имеет значения, содержащие признак уплощенности, ср. среди прочих ‘плоский слой глины’ [ЭСБМ, 9, 170]; более того, это слово, вероятно, родственно прил. *плогкий*. Таким образом, речь идет о ровном, плоском камне.

▪ **Якырь** (1 фиксация: северо-запад России): «В том кусту ракитывым ляжить каминь-якырь, на том камню-якырю ляжить змия Арафима...» (Пск.) [НТКПО, 2, 336]. Стоит предположить, что здесь проявилась семантика тяжести, неподвижности камня, позволяющая использовать образ якоря. Показательно, что слово *якорь* может появляться и в других заговорах по соседству с *камнем*, ср., например: «У поли на якори на белом камяни сядить царь Артямон и царица Улита» [БС, 110, № 287].

Далее представлена группа названий камней, в которых так или иначе отражена тема воды. Это естественно: сакральный ка-

мень практически всегда лежит в воде (в море)²¹. Пара «море – камень» является самой устойчивой в рамках мотива сакрального центра. Напомним также о том, что в Стихе о Голубиной книге и в былинах *Алатырь* демонстрирует устойчивую «привязанность» к морской стихии (см. выше). Соотнесенность моря (воды) и камня нашла отражение в заговорных названиях *Воды-царь*, *Кип*, *Купав*, *Окиан* / *Океян* / *Акиян* (и других онимах, перенесенных с обозначения морей).

▪ **Воды-царь** (1 фиксация: северо-запад России): «На море-океане лежит камень Воды-царь. На том Воды-царе сидит красна девица Саманалаида <...> зашивает змеинные следы» (Новг.) [Бердяева, 2006, 63]. Образ царя воды появился, наверное, не только потому, что камни возвышаются над водой, но и потому, что вода разбивается о камни, как бы покоряясь им (см. далее *Кип*).

▪ **Кип** (1 фиксация: Поволжье): «Во правой стороне Океян-море, на Океяне-море лежит кип камень, на том кип камне стоит Апостольская Божья церковь...» (Сарат.) [Розанов, 1916, л. 7]. Название сложно для интерпретации. Наиболее вероятное мотивационное решение может быть подсказано содержанием последних строк заговора: «Магушки, святая водица, родная сестрица! Бежишь ты по пенькам, по колодам, по лузям по болотам, и бежишь ты чисто, непорочно. Сними с раба Бож. Н всякия скорби и болезни, а проклятую Иродову дочь унеси с собою в акеян-море». Здесь речь идет о проточной воде, которая часто видится народным сознанием бурлящей, как бы *кипящей*, – особенно в том случае, когда вода, пенясь, разбивается о камень. Образ *кипучих ключей* весьма популярен в заговорах: «Как стекаются реки к окиану-мрю со всего света: от высоких гор и дремучих лесов, со мхов и

²¹ Связь моря (воды) и камня привлекала к себе внимание исследователей и раньше. Н. Познанский, пытаясь объяснить, откуда камни попали в заговоры, связывал камень, лежащий в море, с традицией почитания камней, в том числе тех, который располагались в воде. Он писал: «...я здесь вовсе не намерен объяснять происхождение образа Латыря камня. Я только хотел проследить, что его привлекло в заговоры. <...> В Переяславском уезде был среди потока камень, к которому ходили на поклонение также в Петров день. Близ Нерехты, среди реки того же имени, есть камень, похожий на бочку; кто осмелится брать у него воду, тот впадет в сумасшествие. На Ладожском озере, на острове Коневце, под Святой горой, лежит большой Конь камень, которому еще в XV веке приносили в жертву коня. В Ефремовском уезде, на берегу Красивой Мечи, вокруг Коня камня до позднейшего времени совершалось опахивание, чтобы приостановить губительное действие мора. Священный камень Балтийских славян, носящий до сих пор название *Buskahn* (Божий камень), находится в море недалеко от мыса *Söhren*. Не отразилось ли на заговорах это почитание камней? Сопоставление напрашивается само собой. Перечисленные здесь камни находятся на воде. По заговорам камень часто помещается в море...» [Познанский, 1995, 271–272].

болот, из озер и ручьев, из подточин, из черных грязей, из кипучих ключей» [Мардарьев, 1914, 14–15]; «И подземельные ключи никто не видит, как они кипят, и к етому Ивану и Катерины не можот ни первой целовек, ни послидней, никто не можот этих молодых свети» [Мансикка, 1926, № 180]; «В том чистом поли стоит крест животворящей, за тым крестом животворящим есть златой камень; из под того златого камня кипит ключ золотой. Из под того ключа золотого текет быстрая река» [Курец, 2000, № 305]. Характерно, что в последнем примере *кипящий ключ* вытекает именно из-под *златого камня*, который функционально заменяет *Алатырь*. Название *Кип камень* с высокой степенью вероятности может быть связано с образом кипящей воды. Замечательно еще одно обстоятельство: кипение «созвучно» горению, а это, как мы видели, важный мотив в том клубке смыслов, который связан с заговорным *бел-горюч камнем*, ср.: с.-рус. *кипéлый* ‘кипящий, горячий’, терск., пенз., ряз. *кiпельный* ‘очень белый, кипенный’ [СРНГ, 13, 215] и др.

▪ **Купав** (1 фиксация: Урал): «На окиане святом море лежит свят бел Купав-камень...» (рукоп., Ю-Урал.) [Бекетова, Колмогорцев, 2001, 89]. В тексте рукописи четыре фиксации этого названия в одном и том же контексте. Название, хоть и единичное, имеет глубокую и многогранную мотивированность в символическом пространстве заговоров. Его внутренняя форма реконструируется как «камень, омываемый водой» – от *купать* ‘мыть, омывать’²². При этом слова, входящие в гнездо праслав. **kǫpava* / **kǫpavъjъ* [о нем см.: ЭССЯ, 12, 61], могут иметь следующие значения, переосмысляющие мотивационное «тот, кто омыт» в эстетическом ключе: фольк. олон., онеж., ю.-сиб. *купáвый* ‘красивый, пригожий’: «Ездил-гулял купав молодец, / Премладой Чурила Пленкович», иркут. *купáв молодец* ‘белолицый, привлекательный молодец’, влг. *купáвушка* ‘красивая, миловидная девушка, молодая женщина’, пск., твер. *купáвна*, *купáва* ‘гордая красавица’ и др. [СРНГ, 16, 96]²³. Исключительный интерес представляют рассуждения О. Н. Тру-

²² Образ камня, омытого водами (и соответствующие ему ИС), коррелирует в заговорах с такими эпитетами камня, как *гладкий* (*гладь*, *гладок*), см.: «На Сионских горах, на синих морях <...> лежит бел камень гладк. <...> Со мною, госпожею Хвеклою, синим морем обливались, желтыми песками обсыпались <...> тридевять ключами замыкались, гладь-каменем задвигались...» (Тул.) [Соколов, 1861, 73], ср. также: «На океан море есть синь глад камень, на синь глад камне стоит церковь...» [Вашкинский, 1902, № 37]. Переход от полной к краткой форме прилагательного способствует онимизации эпитета.

²³ Сходная модель смыслового развития (от «омытости» к красоте) реализуется, к примеру, в костр. *беломья* ‘красивая, пригожая девушка’ [ЛКТЭ] (ср. вят. фольк. *беломбечка* ‘любящая чистоту, чистоплотная’ [СРНГ, 2, 222]).

бачева об особенностях семантики праслав. **koprati*, которое «не было баннным техническим термином, оно служило ритуальным термином: ‘омывать с целью очищения, врачевания, с применением особых средств или трав’» (неслучайно именно этот глагол использовался для передачи греч. βαπτίζω ‘крестить’) [ЭССЯ, 12, 60].

Отсюда можно заключить, что название *Купав-камень* не только реализует признак «омытости», но и содержит коннотации красоты, белизны, сакральности, присутствующие в гнезде **koprav-*. Поддержка этим коннотациям видится в том, что интересующий нас топоним фигурирует вместе с эпитетами *свят* и *бел*²⁴. Рассмотренный пример знаменателен тем, что он поддерживает наличие коннотаций сакральности у продолжений **koprav-*, которые виделись О. Н. Трубачеву только косвенно в значениях типа ‘красивый’, ‘красавица’ [ЭССЯ, 12, 62].

▪ *Океян, Окиан, Акиян* (4 фиксации в четырех русских вариантах одного текста, отмеченных в Новгородской губернии и на Русском Севере): «...аки синей камень в Синем море, аки черной камень в Черном море, аки араг камень в Варяжском море, аки хвалынь камень в Хвалынском море, аки акиян-камень в акиян море ни крошитца, ни ломитца, ни рознитца...» (Холм.) [Ефименко, 1878, 171]; «...как белый камень в Белом море, как черный камень в Черном море, как арап камень в Арапском море, как Хвалын камень в Хвалынском море и как окиан камень в Окиане море и как окиан-камень не крошится...» [Мардарьев, 1914, № 21]. Здесь наблюдается метонимический перенос с названия *окиан (акиян) море*, который подробно комментируется в [ТЗРС, 1, 71–76]. Из этого же контекста выделяются такие имена, как *Хвалын (Хвалынь) камень* и *Араг камень*, о них (в связи с соответствующими морями) см. [Там же, 78–79, 83–84]. Если следовать логике текста, нужно было бы прокомментировать также цветовые названия типа *черный камень*, но эти сочетания претендуют на «ономастичность» в меньшей степени, чем предыдущие (рассуждения об их статусе см. [Там же, 81]). В тексте, вариантном по отношению к вышеприведенным, есть также *Арап камень*: «Столь крепка огорода моя Божию милостию, словами моими, аки синей камень в Синем море, аки черный камень в Черном море, аки арап камень в Арапском море, аки акиян камень в Акияне море, – не крошице, не ломитце, ни разнитца...» (Солигалич.) [Виноградов, 1, № 70]. Для *Арапского*

²⁴ Эти эпитеты примечательны не только сами по себе, но еще и потому, что никакое другое из приведенных здесь ИС, не связанных с *Алатырь*, не имеет при себе эпитетов (см. выше).

моря (и *арап камня*) нами ранее была восстановлена цепочка, объясняющая причины появления этих названий: *Варяжское море* → **варяг камень* → *арап камень* → *арап камень* (описка или результат деэтимологизации) → *Арапское море* [Там же, 83–84].

Наконец, следует сказать о названии **Оран камень**: «И как в синем мори синий камень, Оран камень в Ариянском мори, Океян камень в Океянском мори крепки не ломаются и не крошатся, так крепок сей обход и заговор моему скоту...» (Новг.) [Майков, 1869, № 285]. Это название тоже метонимически перенесено с названия моря (*Ариянского*), а последнее является темным по происхождению. Нами высказывалось предположение о том, что первичным по отношению к нему является *Арапское море* (фиксируемое более устойчиво) [ТЗРС, 1, 83]. Кажется, эта версия более «легитимна», чем трактовка *Арианского моря* как переделанного *Виренского*, принадлежащая Ц. Бодуэн де Куртенэ-Фасмер.

Если говорить об отношениях проекции, то возможен перенос на ИС камней не только эпитетов / ИС моря, но и других слов, соседствующих с *камень* в том или ином тексте – как нарицательных, так и собственных.

▪ **Буйло** (1 фиксация: Поволжье): «На море, на сиянии, на острове на Буяне лежит камень Буйло. На камне Магушка Владычица Пресвятая Богородица...» (Сарат.) [Булушева, 1994, 50]. Здесь имя камня – проекция с названия острова *Буян*, поименованного в том же контексте²⁵.

▪ **Ляжар** (1 фиксация: Белоруссия): «На моры, на лукаморы ляжаў ляжар-камень, на тым ляжары-камені стаяў дуб на 12 катах...» (Гомел., Чечер.) [Вяргеевка, 2013, № 1276]. Здесь имя камня – от блр. *ляжаць*, упомянутого тут же и передающего состояние камня.

▪ **Могу** (1 фиксация: северо-запад России): «Есть славное могу-море, / На могу-море – могу-остров, / На могу-острове есть могу-камень, / На могу-камне сидит могу-птица...» (Новг.) [ФНО, 297]. Название *Могу-камень* входит в метонимический ряд (*Могу-остров*, *Могу-птица*), который рассматривался в нашей статье, посвященной заговорным морям и рекам [ТЗРС, 1, 84]. Есть также тексты, где ряд составляют *море*, *птица*, *остров*, в обозначениях которых фигурирует имя *Мугай*, возводимое к *Нагай*, *Ногой* и др. – названию мифической птицы русского фольклора и книжности. В контексте отмечаемых в статье пересечений между заговорами и духовными стихами обращает на себя внимание

²⁵ Об имени острова в заговорах см. [ТЗРС, 2, 49–51], где указана и литература вопроса.

появление *Магуй птицы* в Стихе о Голубиной книге, записанном также на Русском Севере, на Мезенском берегу Белого моря [Марков, 1901, 275].

Еще одно название камня реализует, по всей видимости, мотив «чужеземности».

▪ **Ардын** (1 фиксация: запад России): «На мыри, на кынии ляжить каминь Ардын; на тым камни сядить сизэй арёл с зялезными каптюрами...» (Смол., Росл., от чемера) [Добровольский, 1, 189]. Это название явно связано со словом *орда*, которое в фольклорных текстах имеет значения ‘вражеское войско’ (арх.), ‘земля, сторона, особенно дальняя, незнакомая; земля как место рождения, местожительства кого-либо’ (с.-рус.) [СРНГ, 23, 331–332]. В значении ‘враги, толпы иноземцев’ слово встречается и в заговорах (например, в воинских) [ОЧ, 193]. В восточнославянских загадках есть *Ордынское поле* и *Ордынский дуб* [Юдин, 2007, 57, 59, 62, 82]. А. В. Юдин толкует их как «целое поле сходных имен, распространяющееся за пределы жанра загадок» (типа дуб *Волынский*, *Сорочинский* и такие же поля) [Там же, 57]. Очевидно, слова *Ардын*, *Ордынский* – маркеры «чужой земли». Если на Русском Севере *орда* трактуется в русле обобщенной и враждебной «чуждости», то ближе к центру и к югу России *ордой* по понятным историческим причинам называли разные группы тюркских народов [СРНГ, 23, 331]. Рассматриваемый заговор записан на Смоленщине, где можно предполагать именно такие ассоциации. «Чужеземные» ассоциации (хотя бы как вторичные) стоит усматривать еще в названиях камней *Белорус*, *Латынь*, *Аран* (см. выше); встречаются в заговорах и «чужеземные» эпитеты к обозначению камня: так, в одном из белорусских (могилевских) текстов отмечается *царі́к камень микадоньскі́й* (= македонский?) [БС, 63, № 56].

Наконец, есть названия, которые, по всей видимости, мотивированы только фонетически.

▪ **Лип** (1 фиксация: Русский Север): «В цистом поли Окиян синё морё, в Окияни синём мори бел остроф, на билу острову Лип камень, на Липу каменю сидит Олёна царевна, шьёт, пошываёт иголкой безушкой, ниткой шолковой, зашьват и затягат свежую рану» (Пудож.) [Мансикка, 1926, № 100]. Слово *Лип*, скорее всего, возникло по фоносемантическим причинам: в тексте есть звуковая переключка *бел – бил – лип* (*бил* наоборот и с естественным оглушением) – *лён*. Б. Н. Путилов, размышляя о звуковой организации эпического стиха, отмечал, что наряду с прямыми

фонетическими созвучиями в эпосе (а как мы теперь видим, и в заговорах) обнаруживаются созвучия и «противозвучия», основанные на обратных соотношениях и перемещениях, типа *лебедь белая, дубовый гроб* и мн. др. [Путилов, 1999, 191].

▪ **Кир** (1 фиксация: Поволжье): «На море-океане, на острове Буяне лежит Кир камень закреплен: закрепи тело раба (имярек) крепче камня: от стали, от пухоты, от ломоты и от негодного глаза» (Сарат.) [ССЛ, 2]. Слово *Кир*, как и в предыдущем случае, вероятно, мотивировано темой крепости камня и фонетически связано с его эпитетом, ср. повторяющиеся согласные *Кир – закрепилен – закрепи – крепче*.

«Темные» имена

Группа названий, «темных» с мотивационной точки зрения, неоднородна: есть названия, относительно которых можно высказать версии, в той или иной степени достойные внимания, но есть имена, которые пока не поддаются интерпретации.

К числу «читаемых» относятся следующие имена.

▪ **Акимский камень** (1 фиксация: Русский Север). Эпитет *акимский* устойчиво воспроизводится в тексте, повторяясь шесть раз: «В чистом поле океян-море, в океян-море акимский камень, на акимском камню сидит акимская красная девица, держит акимское красное блюдо, на акимском на красном блюде держит акимские красные ножницы. Режет она и вырезывает ею сорок жил и поджильев, сорок суставов суставы» (Онеж.) [РЗЗ, № 465]. Можно предположить три версии (представим их по степени убывания достоверности). Согласно первой, здесь мы вновь встречаем проекцию – на этот раз с обозначения *океян-море*, которое созвучно звукокомплексу *аким*. Если думать о том, почему в окающих онежских говорах [о] так последовательно заменяется на [а], следует допустить возможность «иррадиации» гласного из слова *камень*, которое тоже фонетически перекликается с *аким*. Вообще звукокомплекс *а-к-и-м* нередко выступает в заговорах при описании камня и моря, ср., к примеру, яркий фрагмент костромского заговора: *аки акиян камень в Акияне море* (подробнее см.: *Аран*).

Вторая версия подразумевает образование имени камня от агнионима *Аким* (< *Иоаким*). Дело в том, что в заговорах от кровотечения, основанных на мотиве «некто сидит на камне в сакральном центре и зашивает рану», в качестве основного обычно

выступает женский персонаж – красная девица, Пресвятая Богородица, Мария и др., например: «В чистом поли, в шыроком роздолы есь ричька быстрая, в той ричьки быстрой есь синей камишок, на синем камишку сидит Причистая Матушка Богородица. Она зашыват, уговариват шолковой нитоцькой, булатьнёй иголоцькой. Я прихожу к Матушки Марии...» (Олон.) [Мансикка, 1926, № 104]. С большой осторожностью можно предположить, что *акимский камень*, на котором сидит красная девица, является аллюзией к ИС *Иоаким*. Это имя носил отец Марии; оно может потенциально присутствовать в кругу заговоров от кровотечения именно как отсылка к Богородице. Эта гипотеза поддерживается единичными фиксациями ИС *Анна* (имени матери Пресвятой Девы Марии), называющего женского персонажа, также помещаемого в сакральный центр в заговорах от кровотечения: «На рике Иардани, на острове Буяни стаяла бярэза кверху карен'яями, на йетай бярэзи сидела дева Анна, дяржала иглу буловую <...> зашывала рану крававую» (Дон.) [Проценко, 1998, № 148].

Согласно третьей версии, имя *Акимский* отражает факт реальной топонимии (или поддерживается этим фактом). Например, в топонимии Онежского р-на Архангельской обл. есть созвучные названия: так, на оз. Пурнемское находятся о-ва *Аким Большой* и *Аким Малый*; кроме того, фиксируются топонимы из метонимического гнезда *Акан*:- р. *Акан* (*Аканрека*), оз. *Аканозеро* (бассейн Белого моря) [ТКТЭ].

Акимскому камню созвучно другое единичное темное название – *Атин*: «И есть в чистом поле камень Атин, и к тому камню Атину прилетают птицы-расловицы, выют свои гнезда, изводят свои милые дети» (Сольвыч.) [Ордин, л. 9]. Можно предположить, что второе название является искажением первого, но это маловероятно. Чуть более надежна версия о том, что *Атин* – очередное звено в цепи искажений слов с исходным *алатыр*- (из вариантов типа *Латынь*?).

▪ *Аўцырык* (1 фиксация: Белоруссия): «Як на моры цар-камень Аўцырык, а ў пушчы дуб Аўцырык. А на тым дубу сем змяёў. Я іх замаўляла...» [Зам-09, № 294]. Возможно, имя *Аўцырык* фонетически «перепевает» слово *цар*, которое является его контекстным партнером. Интересно, что в другом белорусском заговоре вместо *цар-камень* фиксируется *царик камень*, а слово *царик* словообразовательно напоминает *Аўцырык*: «Ёсь на мори царик камень микадоньский; як яму з моря ня рытца, так кобыли гэтой бяз урмя не жарябитца» (Могилев.) [БС, 63, № 56]. Можно высказать и

другую версию: в слове *Аўцырык* угадывается основа **Алтыр-*, ведущая к *Алатырю*²⁶.

▪ **Непыпороць** (1 фиксация: Белоруссия): «Царь камень-непыпороць <...> ниhto цябя ня имець – ни гад повзучий, ни зверь бягучий, ни змей лятучий, ни злый чаловек...» (Могилев.) [БС, 99, № 248]. Приведенный контекст указывает на «невозможность брать / трогать камень, что позволяет членить слово следующим образом: *не-пыпороць* < *не-чыпороць* (с ассимиляционным влиянием последующего *-н*) < *не-чап(ор)оць* < *чапаць* ‘трогать’ с внутрикорневой экспрессивной вставкой *-ор-*, способствующей, кроме того, оформлению отглагольного номинатива. Мена вокала внутри корня *чап-/чын-* (в глаголе первоначально это первый предупредительный слог) вполне укладывается в закономерности восточномогилевской диалектной фонетики (комментарий Н. П. Антропова).

▪ **Кактус** (1 фиксация: Русский Север): «Пойду я, раба Божья, из дверей в сени, в ворота, из ворот во чисто поле во зеленую дубраву, а зеленая дубрава стоит на желтых песках. На тех песках лежит бел горюч кактус-камень, на том камне сидит сама Пресвятая Богородица» (Арх.) [Крашенинникова, 2001, 26]. Возможно, здесь проявляется «модернизация» заговорного текста, в который вводится указание на такую новую для заговорного универсума реалию, как *кактус*. Быть может, образ кактуса «притянулся» из-за упоминания о желтых песках, вызывающих «пустынные» ассоциации. Нельзя отрицать и случайного появления слова, вызванного попросту его экзотическим (= «чужим») обликом. Наконец, это может быть искажение другого топонима, преобразованного так, что «прототип» не просматривается.

Относительно происхождения еще двух названий, отмеченных в белорусских заговорах, мы пока не рискуем высказывать каких-либо предположений:

▪ **Барлас** (1 фиксация): «Под камнем Барласом там ёсь зьмеи шкоропеи <...> унимайця вы своих слуг...» (Могилев., Мстислав.) [БС, 179, № 85];

▪ **Школат** (1 фиксация): «На мори на каяни ляжиць камень Школат, на том камни Школаци сядзиць пан чельчак <...> унимай своих слуг, вынимай болезнь» [БС, 193, № 23].

²⁶ Если учесть закономерности белорусской диалектной фонетики, то *ў* может быть на месте *л*; *т* восстанавливается на месте *ц*, а финальный *р* основы с первоначальной мягкостью мог отвердеть (это характерно для исконно мягких вибрантов в говорах Центральной Белоруссии). Редукция до нуля исконного ударного *а* может быть объяснена переносом ударения на *ы*, допустимом при образовании уменьшительного континуанта (комментарий Н. П. Антропова).

Глава 3

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

ГДЕ ВСЕ-ТАКИ СТОИТ ИСКАТЬ ПРООБРАЗ *АЛАТЫРЯ*?

Цель нашего исследования – изучение всего «каменного» ономастикона восточнославянских заговоров, но ясно, что основная интрига связана со словом *Алатырь*, и это неизбежно, ведь перед нами одна из главных загадок славянского фольклора. Камень *Алатырь* вместе с остальными «поименованными» камнями восточнославянского фольклорного универсума (прежде всего заговоров) формируют многоуровневый мир, все элементы которого взаимодействуют между собой. Этот «мир *Алатыря*» складывался, по всей вероятности, на протяжении многих столетий, втягивая в свою орбиту язык, фольклор, книжность и ритуальную практику. Он многогранен, при этом особую роль в нем играет тема моря и янтаря. Схематично представим основные смысловые пуанты, которые «высвечивались» в ходе исследования и которые необходимо учитывать при дальнейшем обращении к образу *Алатыря*.

Фольклор

- сакральный камень *Алатырь* в былинах и духовных стихах;
- слово *латар* в сибирской былине как обозначение ювелирного янтаря;
- сакральный камень *Алатырь* в заговорах;
- эпитеты *Алатыря* – *белый* и *горючий* – как возможная фольклорная поддержка этимона;
- свойства заговорного камня (необязательно *Алатыря*): омытость водой, связь с морем, возможный золотой или «сияющий» цвет, «чужеземность» (ср. названия типа *Кунав-камень* и т. п.).

Книжность

- камень *Алатырь* / *Илитор* в «Беседе Иерусалимской» (который лежит в «устье» Теплого моря);
- присутствие в азбуковниках XVI–XVII вв. греческого заимствования *илектрон* ‘янтарь’²⁷, которое могло ассоциативно

²⁷ В азбуковниках – переводных сочинениях, памятниках древнерусской лексикографии, одной из основных целей которых было раскрытие значений иноязычных слов, – регулярно встречается слово *илектрон*, ср.: «илектронъ е(с) каме(н) зело честень, единъ о(т) други(х) каменіи златовиде(н) (убо вкупѣ и сребровиденъ); злато проявляе(т) бжѣство

взаимодействовать со словом *Алатырь*.

Ритуал

- магические и культовые камни в ритуальной практике – ритуальный прообраз *Алатыря* как сакрального места;
- использование янтаря в лечебной и промысловой магии.

Язык

- варианты слова *Алатырь*, полученные в результате притяжения к слову *янтарь*;
- варианты слова, полученные в результате притяжения к словам, связанным со свойствами янтаря (*ладан, золотой*);
- связи слова *янтарь* в устойчивых сравнениях: янтарь – эталон чистоты, блеска (в том числе водной поверхности), «горючести»;
- обилие обозначений янтаря в диалектной лексике, в том числе таких, где наблюдается генерализация значения и янтарь признается эталоном красивого (драгоценного) камня вообще;
- притяжение *янтарь* ↔ *алтарь*;
- этимон *Алатыря* со значением ‘янтарь’ или ‘место, где добывают янтарь’ (?).

Символический язык народной культуры в целом

- море как стихия, в которой находятся камни;
- янтарь – «рожденный морем» камень;
- янтарь – вещный прообраз магического камня (?).

Можно ли считать янтарь прообразом магического камня – и вообще: что есть этот прообраз, если не янтарь? Искать ответ на этот вопрос невозможно без рассмотрения того, каким путем формировались у восточных славян представления о священном камне фольклора.

Как указывалось выше, *Алатырь* в устной народной традиции и апокрифической книжности давно привлекал к себе внимание исследователей, однако граница между священным кам-

х(с)во, серебро(м) члѣство» (из текста старшего Азбуковника по списку РГБ 1620-х гг.) [Ковтун, 1989, 198]. Как писал В. Мочульский, «известность и распространенность среди русских янтаря доказывается еще тем, что он внесен в русские азбуковники, где он называется *Илектр* <...> или *Илектрон* <...>. Если при этом принять во внимание горючесть самого янтаря, который употребляется один или в смеси с другими благоуханиями как необходимый ингредиент для состава благовонных курений, то и получается объяснение народному названию этого камня: *бел горюч камень Алатырь*» [Мочульский, 1887, 182].

нем вообще и собственно камнем *Алатырем* занимала ученых не всегда: эти камни порой отождествляли, не различали или просто переносили «фольклорное» имя *Алатырь* на все священные камни.

А. Н. Веселовский, основываясь на рассказах западных путешественников и русских паломников, проанализировал христианские легенды, связанные с топографией Иерусалима и касающиеся сионских камней²⁸, и пришел к выводу об «алтарном» происхождении *Алатыря* [Веселовский, 1881]. Однако дальнейшее развитие образа камня *Алатыря* в фольклоре и верованиях исследователя не интересовало. Развивая идеи и наблюдения Веселовского, В. Мочульский поставил вопрос о том, какое именно представление (о камне-алтаре-трапезе, связанное с преданием о Тайной вечере, или о камне-алтаре-престоле) легло в основу образа камня *Алатыря* в Стихе о Голубиной книге. Привлекая списки «Беседы трех святителей» и многочисленные записи Стиха о Голубиной книге, исследователь пришел к выводу о том, что образом камня *Алатыря* был камень-алтарь-трапеза [Мочульский, 1887, 178–181] (см. примеры из Стиха о Голубиной книге выше, в начале работы). В известном смысле эти суждения разделял и А. А. Архипов. По его мнению, информацию, представленную в Стихе о Голубиной книге, и прежде всего его ономастикон, в котором фигурируют сам *Иерусалим*, *Фавор-гора* или *Сион-гора*, *дуб Мамврийский*, *Голова Адамова* (т. е. *Голгофа*) и др., можно было бы обобщить как «тему Иерусалима». Понятно, писал Архипов, что «у калик переходящих, в конечном счете наследующих классической поре паломничества в Палестину, ассоциаций в этой области было предостаточно» [Архипов, 1990, 76]. Камень *Алатырь*, на его взгляд, вполне вписывается в эту тему, ибо об-

²⁸ Это были «предание о чудесном камне, положенном Спасителем в основание Сионской церкви; о камне, снесенном с Синая и положенном на место алтаря в той же церкви, матери всех церквей; память о трапезе Христа в сионском *Coenaculum*, за которой Спаситель возлежал с апостолами, установил таинство Евхаристии и, наставив тому учеников, послал их в мир возвестить новое Откровение». Народная фантазия увидела в этих камнях идею символического центра, а именно «алтарный камень, алтарь, на котором впервые была принесена бескровная жертва, установлено высшее таинство христианства». В русском фольклоре этот алтарь, по мнению Веселовского, превратился в камень *Алатырь*, попав и в духовные стихи, и в былины, в которых Христос беседует с апостолами на камне, к этому камню выпадает с небес Голубиная книга, а о самом камне говорится, что он «всем камням отец» [Веселовский, 1881, 25–27].

раз камня *Алатыря* как бы «перенесен» с каменных скрижалей завета, данных Господом Моисею на горе Синай: «как показал еще Веселовский, <...> при всей многозначности Латыря-Алатыря его, в частности, следует рассматривать как воспоминание о каменных скрижалях, перенесенных в цикле паломнических легенд с Синая на Сион» [Там же, 75].

Вместе с тем напомним, что, прежде чем попасть в Стих о Голубиной книге, камень появляется в апокрифических сочинениях. А сам Стих о Голубиной книге оказывается между устной и письменной словесностью и потому демонстрирует «сложное переплетение гетерогенных элементов, восходящих главным образом к ряду переводных апокрифических сочинений, подвергшихся фольклоризации в процессе бытования на Руси. Среди источников Стиха – “Беседа трех святителей”, “Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской”, “От коих частей создан бысть Адам” и др.» [Топорков, 2006, 717]. При этом надо иметь в виду, что в наиболее известном из этих сочинений, в «Беседе трех святителей», священный камень, «который всем камням отец / мать», по всей видимости, еще не носил имени *Алатырь*.

Согласно укоренившейся точке зрения, Стиху о Голубиной книге более всего была близка «Беседа Иерусалимская» (другие ее названия: «Повесть о граде Иерусалиме», «Повесть о Володе Волотовиче» и т. д.)²⁹. В «Беседе Иерусалимской» в перечне вопросов часто, хотя и не всегда, упоминается камень: «Кой камнем камень мать?» Однако только в одной версии этого произведения у камня появляется имя – *Алатырь*. Мы имеем в виду версию, известную нам на настоящий момент всего по четырем спискам.

²⁹ Это полупоэтическое-полужанровое произведение, где не в стихотворной (как в Стихе), а чаще в прозаической форме излагался диалог между царями Володом Волотовичем и Давидом Евсеевичем о тех же вопросах, которые обсуждались и в Стихе (отчего свет светится, заря занимается, какой град другим градам мать, какие камень, озеро, церковь, древо, трава, птица, море являются «первыми» в том или ином ряду и т. д.); при этом другие части Стиха и «Беседы» значительно различались. Как полагали многие исследователи (Ф. И. Буслаев, П. Бессонов, И. Н. Жданов и др.), именно «Беседа Иерусалимская» стала переходным звеном от вопросов и ответов «Беседы трех святителей» к собственно Стиху о Голубиной книге [Каган, 1992а, 134–135]. Вместе с тем А. Н. Веселовский придерживался скорее противоположной точки зрения, полагая, что «Повесть о граде Иерусалиме» – не что иное, как видоизменение устного Стиха о Голубиной книге, записанное в прозаическом пересказе [Веселовский, 1872, 165].

Фрагмент, касающийся камня, из наиболее раннего списка (не позднее 1687 г.)³⁰ гласит: «а тот каме(н)(ь) каменямь ма(т)(ь) латы(р), пото(му) что то(т) камень лежит на уско(м) устье у моря у теплова³¹, а всякая рыба к тому камени сходится на вѣшнѣ(и) николи(н) д(е)нь, а которая рыба потрется около того камѣни, і на нѣ(и) буде(т) знамя, потому тотъ каменемъ ма(т)(ь)» [Ундольский, д. 762, л. 68].

В Хрестоматии Ф. И. Буслаева опубликован сводный (из четырех списков XVII–XVIII вв.³²) текст «Беседы Иеруслаимской», в котором на вопрос, «и кой камень всем камнем царь», следует ответ: «А камень камням мать латырь; потому что тот камень лежит на Волге-реке в устье у моря у теплаго (вариант: в теплое синее море), а всякая рыба к тому камени сходится на вешний Николин день, а которая рыба потрется около того камени, и на ней будет знамя (вариант: знак). Потому тот камень каменем мать» [Буслаев, 1881, 328]³³.

В списке из рукописного сборника из Симбирской губернии вместо *Алатыря* появляется *Илитор*: «Камням камень мать / Кармаус камень Илитор; / И лежит он у моря Тѣплого, / На восточном устье Волгском; / А коя рыба с моря пойдет, / И о камень потрѣтся, / И на Русе той рыбы ловцам не добыть, / И птицам ее не убить, / И того году смерти ей не будет» [Бессонов, 2, 338, № 89].

³⁰ Сборник повестей и летописных статей из собрания В. М. Ундольского, № 762, л. 67–69 об. Описание см. в [Викторов, 1879, 48]. А. Викторов датировал его началом XVII в.; в более позднем описании он датируется не позднее 1687 г. [Опись фонда, 166]. Цитируется нами по рукописи. И. И. Срезневский, впервые опубликовавший коротенький ее фрагмент, в частности, отметил, что Стих лишен стихотворного склада, некоторыми подробностями отличается от других стихов и явно не полон [Срезневский, 1854, 47–48].

³¹ В. Н. Мочульский вслед за И. И. Срезневским считал, что *Теплым* назвалось Черное море, а Срезневский с Ундольским, судя по всему, шли вслед за Н. М. Карамзиным. Примечательно, что *теплое море* упоминается в этом фрагменте дважды. Второй раз – при описании птицы, которая «всем птицам мать»: «а живет та птица у грѣмьчи(х) колодезе(и) у моря у теплова» [Ундольский, д. 762, л. 68].

³² Источники этих текстов Ф. И. Буслаев не сообщает, однако один из них явно идентичен или родственен первому списку (из собрания Ундольского).

³³ В списке, опубликованном А. В. Марковым и датированном им первой четвертью XVIII в., присутствует то же описание камня, однако имени *Алатырь* в нем нет: «А камен каменем отец всем Простым, а лежит он на Волге реке, в устье, в море мало поступя, в теплое синее море; и к тому камени многое множество рыбы сходится красные болшие, и великую силу тот камен имеет в себе, потому и славим зело; а сходится к нему рыба в мае месяце на Николин ден, а коя рыба о него потрется, і на неи знак будет» [Марков, 1913, 52] (рукопись Румянцевского музея, № 591, л. 278–282 об.; «Сия притѣча ис книги Митреи выписана и повест царя Волота Волотовича»).

Таким образом, из четырех списков этой редакции «Беседы Иерусалимской» ИС *Алатырь / Латырь* появляется лишь в двух, в третьем имени нет вообще, а в четвертом вместо *Алатырь* встречаем *Илитор*, и этот камень *Алатырь / Илитор* лежит в устье у *Теплова моря*.

В Стихе о Голубиной книге камень *Алатырь* не является обязательным элементом, однако встречается чаще³⁴, чем в «Беседе Иерусалимской»; при этом все равно возникает ощущение, что в отличие от основных топообъектов и реалий (типа града, церкви, реки, птицы и др.) камень занимает в Стихе периферийное положение. Интересно, что как устное произведение Стих о Голубиной книге активно использует не только каноническую форму имени *Алатырь*, но и его диалектные варианты, уже знакомые нам по заговорам, – рус. *Бел латырь камень, Белолатырь камень, Белатырь камень*, блр. *Лацирь камень* и др.

Проникновение диалектной стихии в Стих о Голубиной книге явно корреспондирует с его своего рода «славянизацией», когда параллельно с «темой Иерусалима» в нем начинает развиваться и «восточнославянская тема». Эту особенность Стиха (равно как и «Беседы Иерусалимской») исследователи отмечали и раньше.

Так, констатируя постепенный выход Стиха из «своих библейских рамок» и «забвение» им книжных источников, Мочульский указывал на «значительное подлаживание <его> к русским понятиям и интересам». В частности, он обращал внимание на то, что *Теплое море* раннего списка Стиха сменяется *алатырем-морем*, т. е., вероятно, морем Балтийским, в связи с чем трансформируется и представление о камне, лежащем в этом море, и в нем начинают видеть янтарь [Мочульский, 1887, 180–181]. А. В. Марков в работе, посвященной «Беседе Иерусалимской», замечал некоторые детали опубликованного Буслаевым в «Хрестоматии» списка «Беседы Иерусалимской», указывающие «на прикрепление повести к русской почве», – это такие ИС, как *Новгород, Киев, Ильмень-озеро, земля Святорусская* [Марков, 1913, 53]. И действительно, в Стихе о Голубиной книге, если говорить о его «топонимии», наряду с камнем *Алатырем* неоднократно упоминаются рус. *Ильмень-озеро* (которое может находиться и под Новгоро-

³⁴ См. варианты Стиха о Голубиной книге, в которых присутствует ИС *Алатырь*, в [Бессонов, 2, № 80 (Олон., Повен.); № 81 (Олон., Петрозав.); № 83 (Пск., Тороп.); № 86 (Моск., Звениг.); Варенцов, 1860, 11, 27, 37 (списки получены от Срезневского); БС, 295 (Витеб., Город.), 297 (Могилев.); Истомин, Дютш, 1894, 22 (Олон., Петрозав.); Григорьев, 1, 590, № 210 (Арх., Пинеж.); 278, № 260 (Арх., Мез.); Белоусов, 1994, 41; и др.]

дом, и под Киевом, и в турецкой земле, откуда берет свое начало Иордан-река³⁵), *Свята Русь земля, Светла Русь земля*, блр. *Бела Русь земля* и ряд других.

Теперь, возвращаясь к камню *Алатырь* Стиха о Голубиной книге, нам остается затронуть, пожалуй, самый трудный вопрос – о том, где и как именно в него (а также в тесно связанную с ним «Беседу Иерусалимскую») попало ИС *Алатырь*.

Стих о Голубиной книге обычно принято датировать XVII в. – по времени наиболее ранней его фиксации в рукописной традиции. Однако Н. С. Тихонравов высказал иное предположение: «опираясь на упоминание в тексте Голубиной книги восьмой тысячи лет как последнего времени, он связал ее появление с 1492 г., когда ожидался конец мира и предшествующее ему господство Кривды на земле. Особенно остро “последние времена” ощущались в Новгороде и Пскове, потерявших в начале XVI в. свои вольности и воспринимавших московские порядки как начало “антихристового царства”» [Каган, 1992б, 218]³⁶. В статье А. В. Маркова [1913] высказывалась в целом созвучная этому точка зрения, согласно которой в основе интересующего нас фрагмента «Беседы Иерусалимской» (с вопросами и ответами о «первых» элементах мира) лежит некое сочинение, которое было составлено или отредактировано в Новгородских землях³⁷.

В связи с вопросом о путях проникновения ИС *Алатырь* в Стих о Голубиной книге и «Беседу Иерусалимскую» и о новгородском

³⁵ По мнению В. Мочульского, слово *Ильмень* в Стихе о Голубиной книге могло прийти на смену более раннему *Ирмень*, а оно восходит к названию горы *Ермон* (*Хермон*), у подножия которой берет свое начало река Иордан [Мочульский, 1887, 131–133].

³⁶ М. Д. Каган, видимо, имеет в виду работу Н. Тихонравова «Отреченные книги Древней Руси» [Тихонравов, 1898, 238 и далее].

³⁷ По его мнению, дополнительным аргументом в пользу этого соображения является не только частое упоминание *Ильмень-озера*, характерное для разных списков «Беседы Иерусалимской» и Стиха о Голубиной книге, но и еще одна деталь. В тексте из «Хрестоматии» Буслаева об *Ильмень-озере* говорится: «А озеро озером мать Ильмень-озеро, что под Новым-городом, потому что взяло в себя триста рек, да в нем, сказывают, ручей серебряный. Потому то озеро озерам мать» [Буслаев, 1881, 329], ср. тот же фрагмент в рукописи из собрания Ундольского: «а озеро озеро(м) ма(т) Ирмень, что по(д) Новымъ городо(м), потому что взяло в себя триста рѣкъ, да в не(м) же сказываютъ руче(и) серебряно(и), потому то озеро озеромъ ма(т)» [Ундольский, д. 762, л. 68 об.]. Марков указывал, что в Новгородской летописи под 7036 (1528) г. об озере *Ильмень* говорится практически то же: «токмо единый 3 поприша от града стоит в версе езеро, рѣкомое Илмер(ь), и в него впадают, сказывают прежнии ч(е)л(о)вечи, до трею сот рек великих и малых...» [НЛ, 218; Марков, 1913, 86]. Очевидно, пишет Марков, что «летописец-новгородец в 1528 г. уже знал Буслаевский текст Повести о Волоте, где прочитал <эти> слова» [Марков, 1913, 86].

«участии» в их формировании мы можем добавить лишь то, что *Алатырь* чаще фиксируется в устных вариантах и списках, связанных с северо-западом, западом России, а также с северо-востоком Белоруссии (Олонецкая, западные районы Архангельской, Псковская, Витебская губ., см. список вариантов Стиха выше, в прим. 33)³⁸. Эта «география» в целом соответствует распространению ИС *Алатырь* в заговорах (см. карту выше).

Что же касается соотношения заговоров, духовных стихов и былин – трех фольклорных жанров, в которых встречается ИС *Алатырь*, – то довольно сложно судить о том, в каком из них камень *Алатырь* появился в первую очередь, однако с высокой степенью гипотетичности предположим, что это мог быть книжный источник – Стих о Голубиной книге, откуда (в силу его авторитетности для народной традиции, широкого распространения и существования массы вариантов) имя могло проникнуть в устную поэтическую традицию. О связи / наследственности образов *Алатыря* в заговорах и Стихе о Голубиной книге (равно как и «Беседе Иерусалимской») свидетельствует то, что, во-первых, в тех и другом камень *Алатырь* впервые фиксируется в XVII в., во-вторых, что в них он часто находится в море, и, в-третьих, что ареалы ИС *Алатырь* в заговорах и Стихе о Голубиной книге в целом совпадают³⁹.

Теперь перейдем к вопросу о том, что же могло скрываться за именем *Алатырь*. Прежде всего хочется обратить внимание на обстоятельство, которому наши предшественники, кажется, не уделили должного внимания. *Алатырь* практически не обнаруживается в апеллятивной лексике вне фольклора⁴⁰, это исключитель-

³⁸ Стих о Голубиной книге бытовал преимущественно на севере России, отчасти в средней полосе, а также в Белоруссии; в южнорусских областях и на Украине он неизвестен.

³⁹ И. И. Срезневский полагал, что, поскольку «камень латырь или алатырь весьма знаменит в наших русских повериях и преданиях и вместе с морем-окияном и травой плакуном упоминается во многих заговорах <...> в Стихе о Голубиной книге воспоминание о нем зашло, вероятно, из народного предания» [Срезневский, 1854, 47–48].

⁴⁰ В этимологической литературе обращалось внимание на украинский диалектный апеллятив *латі́р, олаті́р* ‘янтарь’ [ЕСУМ, 3, 201], который приводится со ссылкой на единственный источник – «Малорусско-немецкий словарь» Е. Желеховского. Однако в самом источнике [Желехівський, 1, 398] искомый факт подан крайне скупо, без контекстов, географии и ссылок: *латі́р, олаті́р* ‘янтарь’. Это заставляет усомниться в его аутентичности. Возможно, Желеховский передавал известный факт фольклора (ведь в русской науке XIX в., начиная с его середины, прочно удерживалась точка зрения, согласно которой под камнем *Алатырем* понимался янтарь). По крайней мере, нет никаких свидетельств о том, что эти лексемы отмечены в диалектной речи.

но проприальная единица, а значит, по отношению к ней должны применяться правила работы с вторичными фольклорными топонимами, для которых важнее всего найти ономастический прецедент. На территории России, как нам представляется, такого прецедента нет. Город *Алатырь* в Чувашии назван так по одноименной реке (упомянутой нами в начале в связи с летописным известием 1552 г.), обозначение которой, кажется, имеет волжско-финские истоки (мордовское название реки – *Ротарлей*, а формант *-лей* типичен для мордовской топонимии) [Аникин РЭС, 1, 147]. Другие созвучные топонимы такого рода крайне малочисленны. Так, на севере Пермского края, в Чердынском районе, в XVII в. отмечалась деревня *Латырь* [Полякова, 2007, 71, 107, 185]. Мотивация названия неизвестна (заселена выходцами из Алатыря?). Ясно, что ни название реки *Алатырь*, ни тем более обозначение пермской деревни и т. д. не могли быть прецедентами.

Нам представляется, что прецедент был правильно определен О. Н. Трубачевым, который, как говорилось выше, указал на название укрепления в Северном Причерноморье – *φροῦριον Ἀλέκτορος* (в источниках раннего Средневековья это имя передавалось в виде *Alecturum*, *Alecturia*, *Allecturia*) [Трубачев, 1999, 132]. В исторической литературе говорится о замечательных свойствах этого места – как физико-географических (укрепление было расположено рядом с мысом, который перекрывал накат морских волн [Крикун, 2012, 62]), так и стратегических: «Расположенное у входа в Днепро-Бугский лиман, оно <место> имело большое военно-стратегическое значение. Ведь именно здесь в Новое время находилась известная Очаковская крепость. Учитывая, что в античное время при более низком уровне моря устье лимана было более узким, становится понятной важная роль укрепления Алектор. Оно надежно контролировало вход в лиман» [Агбунов, 1992, 162–163]. Как известно, эта роль исполнялась наследницей Алектора (Очаковской крепостью) на протяжении многих веков (в том числе во время русско-турецкой войны в XVIII в.), поскольку она была главным форпостом на северном

Поиск по диалектным словарям позволил обнаружить еще такой гапакс: нижегор. *алатырь* ‘широкое место реки’: «Широкое место реки – алатырь» [ДСНО, 1, 28]. Слово записано в Большеболдинском районе Нижегородчины, недалеко от которого течет река Алатырь, поэтому есть смысл предположить, что обсуждаемая лексема связана с названием реки. Перед нами либо деонимизировавший *алатырь* (при этом перенос, вероятно, основан на признаке широты реки), либо ошибочная запись (собиратель принял имя собственное *Алатырь* за нарицательное). В любом случае это слово не имеет отношения к изучаемому нами названию камня.

побережье Черного моря. Для нас важно и то, что в этих местах был известен янтарь: например, при раскопках, проведенных в районе Алектора в XIX в., обнаружены (наряду с черепками древнегреческой культовой посуды и пр.) бусинки янтаря [Крикун, 2012, 49]. Существенно также, что этот янтарь, скорее всего, был не завезенным, а добытым здесь же. Опираясь на сочинения минералогов (в том числе академика А. Е. Ферсмана), О. Н. Трубачев так пишет о янтаре в Приднепровье: «Тем, кого продолжает удивлять географическое расположение этого источника янтаря, можно напомнить, что важнейшим путем янтаря в древности был не только путь от устья Вислы до Аквилеи на Адриатике, но и днепровский путь, а этот последний был ближе славянам и балтам, не вдруг покинувшим Верхнее Поднепровье; что Плиний называет ряд сортов янтаря <...> именно из Скифии; что по Среднему и Нижнему Днепру с древности и до нового времени находили и собирали янтарь и что минералоги включают вполне официально в единую Балтийско-Днепровскую янтареносную провинцию также нижнее течение Днепра, Южного Буга вплоть до устья этих рек» [Трубачев, 1999, 134]. Важно отметить, что в Приднепровье не только добывали янтарь⁴¹: из Черного моря вверх по Днепру проходили и торговые пути этого камня [Средобродский, 1984].

Говоря о значимости южных (в широком смысле) источников янтаря в древности, отметим, что еще одно обозначение янтаря, оставившее след в славянских языках (ср. польск. *amber* ‘янтарь’), восходит в конечном счете к арабскому языку (а в польский попало из герм. *amber*, куда, в свою очередь, пришло из старофранцузского) [SSSL, 434; Klein, 1, 60], при этом родственные испанская и португальская формы – *alambar* – содержат маркер арабского генезиса – начальное *al*⁴².

В свете подхода *Wörter und Sachen* из сказанного следует, что реальный *Алектор* – укрепление в «янтареносном» районе Черного моря – вполне может быть прообразом *Алтыря*.

Если говорить о лингвистических и текстологических аспектах связи *Алектора* и *Алтыря*, то следует допустить, что наиболее близка к предполагаемому этимону форма *Илитор* из упомянутого выше списка «Беседы Иерусалимской»: «Камням камень

⁴¹ О добыче янтаря в нынешних Киевской, Днепропетровской и Херсонской обл. см. также [Чекман и др., 2017, 17].

⁴² Возможно, это указывает на знаменитые в древнем мире месторождения янтаря на территории современного Ливана; этот янтарь продавался финикийцами еще 5 000 лет назад.

мать / Кармаус камень Илитор; / И лежит он у моря Тёплого, / На восточном устье Волгском; / А коя рыба с моря пойдет, / И о камень потрётся, / И на Русе той рыбы ловцам не добыть, / И птицам ее не убить, / И того году смерти ей не будет» [Бессонов, 2, 338, № 89]. В других вариантах этого списка «Беседы Иерусалимской» встречаем в этом месте *Латырь-камень*. Думается, что *Алектор* = *Илитор* вписывается по своим историческим ассоциациям в народном сознании в ряд других знаменитых прецедентных мест, отраженных в «Беседе» и других релевантных текстах. Черное море и есть *море Теплое*; что касается *устья Волгского* и *Русы*, то, как предполагает О. Н. Трубачев, это *Воложская (Волошская) коса* и *Русская коса*, находящиеся тоже в Днепро-Бугском лимане Черного моря [Трубачев, 1999, 132]. Передача *Алектор* в виде *Илитор* абсолютно реальна; что касается формы *Алатырь*, то ее наличие может быть связано с народноэтимологическим притяжением к реальному топониму *Алатырь* (названию притока Суры и городу в Чувашии) и/или с присутствием в каком-либо неизвестном нам варианте текста «Беседы» более близкого к *Алатырю* фонетического варианта *Алектора*⁴³.

Что касается этимологии самого *Алектора*, то она в контексте поисков топонимического прецедента для *Алатыря* не так важна. Трудно себе представить, что этимологическое значение имени могло быть сохранено при трансляции его в текст «Беседы» и другие подобные тексты. Можно рассматривать и версию Трубачева, говорившего, как указывалось выше, о вторичной гречизации близкой, но не греческой, туземной (субстратной) формы **alaktar*, что позволяет восстановить для слова 'Алекторос' этимологическое значение 'Солнечный' или, скорее, 'Янтарный' [Трубачев, 1999, 133], и собственно греческую версию, устанавливающую принадлежность топонима в конечном счете к гнезду таких известных слов, как 'электрон' 'сплав, в состав которого вошло золото и серебро', 'янтарь', 'электр' 'сияющий, лучезарный' [Вейсман, 1899, 586]. Наверное, собственно греческая версия бо-

⁴³ Кстати, о возможности первого варианта – возникновения ИС камня под влиянием чувашского топонима – говорили некоторые исследователи (так, В. Будзишевска считала существование топонима *Алатырь* определяющим фактором для закрепления заговорного наименования камня [Budziszewska, 1992, 54]). Отметим, что несомненно и обратное влияние фольклорного *Алатыря* на чувашский топоним: город *Алатырь* построен как военный, культурный и религиозный форпост на восточных границах Русского государства – и в наивном языковом сознании его особая роль ассоциативно связывается с сакральным камнем народной поэзии (см., например, трактовки на множестве интернет-сайтов, например [http://komanda-k.ru/Россия/река-алатырь]).

лее реальна⁴⁴. Выше уже говорилось о русских азбуковниках, которым был хорошо известен янтарь (*илектрон*); важно отметить, что в них упоминался и *алектор* (слово, этимологически связанное с *илектроном*) в значении ‘петух’, т. е. «тот, кто просыпается при солнце», при этом *алектор* и *илектрон* соотносятся составителями азбуковников друг с другом: «Алекторъ, еже е(с)ть петель, ест (ж) в писаніи іна рѣчь глѣма илектронъ, и нѣцци о(т) ненавыкновения сты(х) писаніи обѣ тѣ рѣчи своеумие(м) то(л) кующе мя(т) быти алектръ і илектронъ едино, еже е(с)ть петѣль, рекше куръ, но убо по существу алекторъ куръ, а илектронъ камень зело честе(н), о не(м) же е(с) то(л)ковано в се(м) алфавите в букве, нарицаеми иже» [Ковтун, 1989, 146].

Как бы то ни было, повторим: важнее всего соотнести *Алектор* из реальной географии и *Илитор* = *Алтырь* фольклорный. Соотнесение это видится вполне достоверным, поскольку совпадает многое: связь с *теплым морем*, значимость самого объекта и его особое расположение, точное отображение в «Беседе» реального топонимического «контекста». Как же возникла тогда тема янтаря, столь значимая для фольклорной традиции? Здесь возможны три варианта (причем наиболее реальны второй и третий, взятые в совокупности): 1) проявилась «этимологическая память» (если релевантна «янтарная» этимология); 2) актуализировались знания о прецедентном объекте, богатом янтарем (вне связи с происхождением его имени); 3) связи янтаря и *Алтыря* / *Илитора* сложились впоследствии – благодаря срабатыванию всех тех факторов (культурно-исторических, системно-языковых, а также присущих языку фольклора), о которых речь шла выше. Когда тексты об *Алтыре* получили широкое хождение и, как мы показали, распространились на северных и северо-западных (в широком смысле) территориях, *Алтырь* обрел новый прообраз – камень не в «теплом» море, а в Балтийском (ставшем даже *Латырь-морем*). Неслучайно, к примеру, Н. Надеждин, приводя текст о камне *Алтыре* белорусской редакции Стиха о Голубиной книге, указал, что описанные в нем реалии могут соответствовать практике добычи янтаря в Восточной Пруссии, когда добытчики «длинными шестами отламывают от возвышенного и рыхлого берега большие глыбы земли и с ними почти всегда порядочные ку-

⁴⁴ Кстати, при ее принятии этимология топонима допускает реконструкцию не только ‘Солнечный’, ‘Янтарный’, но и ‘Горящий’, что увязывается с высказывавшимся историками предположением о том, что «Алектор обозначает освещающий, сторожевой, путеуказывающий, сигнальный костер-маяк» [Крикун, 2012, 63].

ски янтаря» [Надеждин, 1857, 37]. Кроме того, слово подверглось другим многочисленным притяжениям и скрещиваниям, среди которых особо значимой была аттракция к *алтарю*, которая тоже «пересоздала» вид слова, его восприятие и контекстные связи.

Путь *Алатыря* – не линейный, а довольно ветвистый и извилистый – наверняка понят нами не до конца, и тем не менее мы прошли его – в том числе в надежде на то, что тем самым облегчили задачу всем, кто, мы уверены, пойдет дальше.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агбунов М. В. Античная география Северного Причерноморья. М. : Наука, 1992.

Агеева Р. А. Пространственные обозначения в заговоре как типе текста (на восточнославянском материале) // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / отв. ред. Н. А. Слюсарева. М. : Наука, 1982. С. 132–159.

Агеева Р. А. Камень и горы в народной культуре. М. : Астапов, 2019.

Александров А. А. О следах язычества на Псковщине // Краткие сообщения Института археологии. 1983. Вып. 175. С. 12–18.

Андроников В. А. Страничка из истории народно-бытовой медицины // Труды Третьего областного историко-археологического съезда, бывшего во Владимире 20–26 июня 1906 г. Владимир : Тип. губ. правл., 1909. С. 1–30.

Аникин РЭС – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово-вой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980–. Вып. 1–.

Архипов А. А. Голубиная книга: Wort und Sache // Механизмы культуры : сб. ст. / отв. ред. Б. А. Успенский. М. : Наука, 1990. С. 68–98.

Багликова И. В. К специфике атрибутивных композитов в эпической традиции Печоры // Лингвофольклористика. Вып. 7 / отв. ред. А. Т. Хроленко. Курск : Курский гос. пед. ун-т, 2003. С. 32–44.

Бекетова, Колмогорцев 2001 – Замкну замки замками: Заговорно-заклинательная поэзия Шадринского края / сост. В. Н. Бекетова, М. А. Колмогорцев. Шадринск : Исеть, 2001.

Белова О. В. Славянский bestiary : словарь названий и символики. М. : Индрик, 2001.

Белоусов А. П. «Стих о книге Голубиной» в записи И. Н. Заволоко // Живая старина. 1994. № 1. С. 41–42.

Белоцветов П. А. Народные песни, наговоры, загадки, скороговорки и пословицы, зап. в Александровской волости Соликамского уезда Пермской губернии в 1890 и 1891 гг. // Зап. Уральского о-ва любителей естествознания. 1901. Т. 22. С. 118–223.

Бердяева О. С. Магия слова. Заговор. По материалам фольклорного архива Новгородского государственного университета : учеб.-метод. пособие. Великий Новгород : Новгородский гос. ун-т, 2006.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Мифопоэтический образ пространства. М. : КомКнига, 2010.

Бессонов П. Калики переходные : в 6 вып. М. : Тип. А. Семена, 1861–1864.

БМ – Былины : в 25 т. Т. 3 : Былины Мезени: Север Европейской России / отв. ред. А. А. Горелов. СПб. ; М. : Наука ; Классика, 2003.

Бодуэн де Куртэнэ-Фасмер Ц. Камень Латырь и город Алатырь // Изв. Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук. 1914. Т. 19. Кн. 2. С. 91.

БП – Свод русского фольклора. Т. 1 : Север Европейской России: Былины Печоры / отв. ред. А. А. Горелов. СПб. : Наука, 2001.

БС – *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Вып. 5. Витебск : Типо-лит. Г. А. Малкина, 1891.

БСНС – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских народных сравнений. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008.

Булушева Е. Заговоры в фольклоре Саратовского Поволжья // Саратовский вестник. 1994. Вып. 4 : Заговоры. С. 1–65.

Буслаев Ф. И. Повесть о Волоте Волотовиче // Буслаев Ф. И. Русская хрестоматия. Памятники древнерусской литературы и народной словесности. 3-е изд., испр. и доп. М. : Тип. М. Н. Лаврова, 1881. С. 344–354.

Ванюшечкин В. Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры : материалы по русской диалектологии : в 2 т. Воронеж : Воронеж. гос. пед. ин-т, 1983–2002.

Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб. : Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1860.

Вашкинский А. (Смирнов А. В.) Заговоры (наговоры, нашептывания, заклинания и пр.) // Владимирские губ. вед. 1902. № 26. С. 3–4 ; № 27. С. 8–10 ; № 28. С. 5–6 ; № 29. С. 6–8 ; № 30. С. 7–8 ; № 31. С. 6–8 ; № 32. С. 3–5.

Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М. : Греко-лат. кабинет Ю. А. Шичалина, 1991.

Веселовский А. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб. : Тип. В. Демакова, 1872.

Веселовский А. Н. Алатырь в местных преданиях Палестины и легенды о Граале // Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Ч. 3–5. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1881. С. 1–46.

Викторов А. Е. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания с № 1 по 579. М. : Университетская тип., 1879.

Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и пр. (по старинным рукописям и современным записям) : в 3 вып. СПб. : Тип. Мин-ва путей сообщения (Т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1907–1909.

Вяргеенка С. А. «Гаючае слова роднай зямлі» (беларускія лекавыя замовы). Мінск : Барк, 2013.

Гладкий М. Скотарські замовляння поліщуків // Полісся України: матеріали історико-етнографічного дослідження. Вип. 2: Овруччина. 1995 / ред. С. Павлюк, М. Глушко. Львів : Ін-т народознавства НАН України, 1999. С. 273–292.

Григорьев 1–3 – Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : в 3 т. СПб. : Тропа Троянова ; Кулой, 2002–2003.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М. : Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989).

Демиденко Е. Л. Значение и функции общефольклорного образа камня // Русский фольклор. 14 : Этнографические истоки фольклорных явлений / отв. ред. В. И. Еремина. Л. : Наука, 1987. С. 85–98.

ДН – Добрыня Никитич и Алеша Попович / изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий ; отв. ред. Э. В. Померанцева. М. : Наука, 1974.

Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 1. СПб. : Тип. С. Н. Худекова, 1891.

ДСНО – Диалектный словарь Нижегородской области / отв. ред. Е. А. Колтунова. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 2013–. Вып. 1–.

ДСРС – Духовные стихи на Русском Севере / сост. В. П. Кузнецова. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2015. 800 с.

Дубов И. В. Культурный «Синий камень» из Клещина // Археология и история Пскова и Псковской земли : тез. докл. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Седов. Псков : Ин-т археологии АН СССР, 1988. С. 17–18.

Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск : ИЯЛИ КНЦ РАН, 2011.

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови : в 6 т. / ред. О. С. Мельничук. Київ : Наукова думка, 1982–2012.

Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Изв. Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете. Т. 30. Кн. 5. Вып. 2 : Народная словесность. М. : Типо-лит. С. П. Архипова и К^о, 1878.

Желехівський Є. Малоруско-німецький словар : у 2 т. Львів : [б. и.], 1886.

Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М. : Индрик, 2005.

Зам-09 – Заомовы / уклад. У. А. Васілевіч, Л. М. Салавей. Мінск : Беларусь, 2009.

Заомовы / уклад., сістэмаг. тэкстаў, камент. Г. А. Барташэвіч. Мінск : Навука і тэхніка, 1992.

Зеленин 1905 – Свадебные обряды, песни и заговоры Томского округа. По рукописи С. П. Каффи приготовил к печати Д. К. Зеленин // Зап. Уральского общества любителей естествознания. 1905. Т. 25. С. 35–61.

Иванов П. В. Знахарство. Шептания и заговоры // Архив Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Ф. ИОЛЕАЭ, № 169.

Ильинская В. Н. Камень Латырь и его роль в русских заговорах // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора : тез. и предв. материалы к симпозиуму / ред. Вяч. Вс. Иванов и др. М. : Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1988. С. 37–38.

ИРЛИ ФА – Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Фонограммархив (Санкт-Петербург).

Истомин, Дютш 1894 — Песни русского народа (собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году) / записали : сл. – Ф. М. Истомин, напевы – Г. О. Дютш. СПб. : Императорское Русское географическое общество, 1894.

Каган М. Д. Беседа Иерусалимская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 : XVII в. Ч. 1 : А–З / отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб. : Дмитрий Буланин, 1992а. С. 134–137.

Каган М. Д. Голубиная книга // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 : XVII в. Ч. 1 : А–З / отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб. : Дмитрий Буланин, 1992б. С. 216–219.

Карабанов А. К., Винокуров В. Ф., Дучиц Л. В., Зайковский Э. М., Климкович И. Е. Сакральные и исторические валуны Беларуси (общий обзор) // Культурные камни Восточной Европы: Беларусь, Латвия, Литва, Россия / под общ. ред. В. Г. Мизина. СПб. : Гуманитарная академия, 2018. С. 9–79.

Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв.: Старшая разновидность. Л. : Наука, 1989.

Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии северо-великорусского наречия // Сб. Отд. рус. яз. и словесности. 1877. Т. 17. № 3. С. 1–343.

Коробка П. «Камень на море» и камень алатырь // Живая старина. 1908. № 4. С. 409–426.

Крашенинникова 2001 – Заговоры Вилегодского района Архангельской области / публ. Ю. А. Крашенинниковой // Живая старина. 2001. № 3. С. 25–28.

Крикун Г. Ф. Исторический город Очаков. Борисфенида. Аксиати. Основные периоды жизни города Алектор, Алекторис, Озополис – альма-матери Очакова. Ольвия. VI в. до н. э. – X н. э. Николаев : Изд-во Ирины Гудым, 2012.

КСГРС – картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Культурные камни Восточной Европы: Беларусь, Латвия, Литва, Россия / под общ. ред. В. Г. Мизина. СПб. : Гуманитарная академия, 2018.

Курбатов А. В. Некоторые вопросы изучения историко-культурных природных объектов Восточной Европы // Культурные камни Восточной Европы: Беларусь, Латвия, Литва, Россия / под общ. ред. В. Г. Мизина. СПб. : Гуманитарная академия, 2018. С. 281–313.

Курец 2000 – Русские заговоры Карелии / сост., вступ. ст., примеч. Т. С. Курец. Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 2000.

[Л.]. Заговоры // Калужские губ. ведомости. 1865. № 35. С. 336–337.

Лебедев Г. С. Памятники урочища «Священка» на озере Врево в Верхнем Полужье // Археология и история Пскова и Псковской земли : тез. докл. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Седов. Псков : Ин-т археологии АН СССР, 1987. С. 67–69.

Левкиевская Е. Е., Толстая С. М. Камень // Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М. : Международные отношения, 1999. С. 448–453.

ЛКТЭ – лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Логиновский К. Д. Материалы к этнографии Забайкальских казаков // Зап. О-ва изучения Амурского края Владивостокского отд-ния Приамурского отд. РГО. Владивосток : Типография Н. В. Ремезова, 1904. Т. 9. Вып. 1.

Мажников С. Народная медицина в г. Ейске // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1893. Т. 16. Отд. 2. С. 39–130.

Майков 1869 – Великорусские заклинания / сб. Л. Н. Майкова. СПб. : Тип. Майкова, 1869.

Макаров Н. А., Чернецов А. В. К изучению культовых камней // Сов. археология. 1988. № 3. С. 79–90.

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. Оренбург : Оренбургское книжн. изд-во, 2002–2003.

Мансикка В. Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии // Sborník filologický (III. Trída České akademie věd a umění). 1926. Sv. 8. Č. 1. S. 185–233.

Мардарьев Ив. Хаос в вере // Олон. неделя. 1914. № 21. С. 13–15.

Марков 1901 – Беломорские былины, записанные А. Марковым / с предисл. В. Ф. Миллера. М. : Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1901.

Марков А. В. Повесть о Волоте и ее отношении к Повести о граде Иерусалиме и к Стиху о Голубиной книге // Известия ОРЯС. 1913. Т. 18. Кн. 1. С. 49–86.

Матвеев А. К. Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // Вопр. языкознания. 1998. № 5. С. 90–105.

Мельников И. В. Святителища древней Карелии: палеоэтнографические очерки о культовых памятниках. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998.

Мельников И. В., Маслов В. В. О камнях-следовиках на территории Карелии // Обряды и верования народов Карелии / науч. ред.: Ю. Ю. Сурхаско, А. П. Конкка. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1992. С. 160–177.

Мизин В. Г. Забытые священные и мифологические места Ингерманландии. СПб. : Центр сохранения культурного наследия, 2012.

Мизин В. Г. Чашечные камни на территории Ленинградской области // Культовые камни Восточной Европы: Беларусь, Лат-

вия, Литва, Россия / под общ. ред. В. Г. Мизина. СПб. : Гуманитарная академия, 2018. С. 243–280.

Мосеев И. И. Поморська говоря. Краткий словарь поморского языка. М. : Белые альвы, 2005.

Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава : Тип. М. Земкевича, 1887.

Надеждин Н. О русских народных мифах и сагах в применении их к географии и особенно этнографии русской. II // Русская беседа. 1857. Т. 4. Кн. 8. С. 19–63.

НЗ – Нижегородские заговоры (в записях XIX–XX веков) / сост., вступ. ст. и комм. А. В. Коровашко. Н. Новгород : ННГУ, 1997.

Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М. : Наука, 1993.

НикЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 13 : Никоновская летопись / под ред. С. Ф. Платонова, при уч. С. А. Адрианова. СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1904.

НЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 43 : Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М. : ЯСК, 2004.

НРЭ – Новое в русской этимологии. Вып. 1. М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2003.

НТКПО – Народная традиционная культура Псковской области / Автор проекта А. М. Мехнецов. СПб.; Псков Из-во Областного центра народного творчества, 2002. Т. 1–2.

Опись фонда № 310. Собрание В. М. Ундольского / сост. на основании описи собрания В. М. Ундольского, сделанной Г. П. Георгиевским в 1916–1922 гг. Т. 2. М. : ВГБИЛ, 1975. Рукопись.

Ордин Н. Заговоры, собранные в Сольвычегодском уезде // Архив Рус. геогр. о-ва. Разр. 7. Д. 44. Л. 9 об.

Орлов В. Нашептывания и наговоры так называемых знахарей // Донские епарх. вед. 1879. № 18. С. 678–684 ; № 19. С. 716–726.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров : Коннектика ; Изд-во ВятГГУ ; Радуга-ПРЕСС, 1996–. Вып. 1–.

ОЧ – Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М. : Индрик, 2002.

Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб. : Алетейя, 1998.

Первушин П. Ф. Суеверия с. Катайского Камышловского уезда // Зап. Уральского о-ва любителей естествознания. 1897. Т. 17. Вып. 2. С. 329–331.

Перегудов А. Гуслица // Новый мир. 1927. № 6. С. 194–201.

Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинарии русской филологии в Нежин 18–20 февраля 1914 г. Киев : Тип. ун-та, 1914. С. 74–79.

Петухов Д. Медико-топографические замечания о дедюхинской соляной местности // Протоколы заседаний О-ва русских врачей в Санкт-Петербурге за 1859–1860 гг. СПб. : [б. и.], 1859–1860. С. 89–138.

ПЗ – Полесские заговоры в записях 1970–1990-х гг. / сост. Т. А. Агапкина, Е. Е. Левкиевская, А. Л. Топорков. М. : Индрик, 2003.

Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1885.

Познанский Н. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М. : Индрик, 1995. (Репринт издания 1917 г.)

Покровский П., учитель. Народное суеверие. Наговоры // Олонецкие губ. вед. 1873. № 36. С. 431.

Полякова Е. Н. Словарь имен жителей Пермского края. Пермь : Изд. дом Бывальцева, 2007.

Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1903.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными / Под ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой. Л. ; СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1967–. Вып. 1–.

Праведников С. П. Функционирование лексемы *камень* в эпическом тексте // Лингвофольклористика. 2013. Вып. 20. С. 21–36.

Пропп В. Я. К вопросу о происхождении волшебной сказки (Волшебное дерево на могиле) // Сов. этнография. 1934. № 1–2. С. 128–151.

Проценко Б. Н. Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов н/Д. : Изд-во Ин-та массовых коммуникаций, 1998.

Путилов Б. Н. Былины – русский классический эпос // Былины / вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Путилова. Л. : Сов. писатель, 1986. С. 5–46.

Путилов Б. Н. Экскурсы в теорию славянского эпоса. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999.

РЗЗ – Русские заговоры и заклинания / под ред. В. П. Аникина. М. : Изд-во МГУ, 1998.

РЗРИ – Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / сост., подгот. текстов, статьи и комм. А. Л. Топоркова. М. : Индрик, 2010.

РК 2/1 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2 : Ярославская губерния. Ч. 1 : Пошехонский уезд / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб. : Деловая полиграфия, 2006.

РК 5/4 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Ч. 4 : Тотемский, Устьсысольский, Устюгский и Яренский уезды / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб. : Деловая полиграфия, 2008.

РК 6 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 6 : Олонецкая, Псковская, Тульская губернии / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб. : Деловая полиграфия, 2008.

РО ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Рукописный отдел (Санкт-Петербург).

Розанов А. И. Простонародная медицина в Саратовском уезде // Зеленин Д. К. Описание рукописей Уч. архива Импер. Рус. географ. о-ва. Т. 3. Пг. : Тип. А. В. Орлова, 1916. С. 1243–1256.

РЭПС – Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / сост. Ю. И. Смирнов. Новосибирск : Наука, 1991.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

В названиях административно-территориальных единиц

- Арх.** – Архангельская область (губерния)
Баб. – Бабаевский район Вологодской области
Белозер. – Белозерский район (уезд) Вологодской области (Череповецкой губернии)
Беломор. – Беломорский район Карелии (побережье Белого моря в Олонецкой губернии)
Берез. – Березинский район (волость) Минской области (уезда) Белоруссии
Брест. – Брестский район (уезд, область) Белоруссии
В.-Важ. – Верхневажский район Вологодской области
В.-Т. – Верхнетоемский район Архангельской области
Ваш. – Вашкинский район Вологодской области
Ветк. – Ветковский район (волость) Гомельской области (уезда) Белоруссии
Вилегод. – Вилегодский район Архангельской области (Вилегодская волость Устюжского уезда)
Витеб. – Витебский район (область, уезд) Белоруссии
Влад. – Владимирская область (уезд, губерния)
Влг. – Вологодский район (область, уезд, губерния)
Вят. – Вятский уезд (губерния)
Гомел. – Гомельский район (область, уезд) Белоруссии
Город. – Городецкий район (уезд) Нижегородской области (губернии)
Дон. – Область Войска Донского
Заонеж. – Заонежский район Карелии
Звениг. – Звенигородский район (уезд) Московской области (губернии)
Калуж. – Калужская область (губерния)
Карг. – Каргопольский район (уезд) Архангельской области (Олонецкой губернии)
Карел. – Республика Карелия
Киров. – Кировская область
Кологрив. – Кологривский район (уезд) Костромской области (губернии)

- Кормян.** – Кормянский район Гомельской области (Кормянская волость Могилевской губернии) Белоруссии
- Костр.** – Костромской район (область, уезд, губерния)
- Краснопол.** – Краснополянский район Московской области
- Лельч.** – Лельчицкий район Гомельской области (Лельчицкая волость Минской губернии) Белоруссии
- Леш.** – Лешуконский район Архангельской области
- Мез.** – Мезенский район (уезд) Архангельской области (губернии)
- Минск.** – Минская область (губерния) Белоруссии
- Могилев.** – Могилевская область (губерния) Белоруссии
- Моск.** – Московская область (губерния)
- Мстислав.** – Мстиславский район (уезд) Могилевской области (губернии) Белоруссии
- Нижегор.** – Нижегородская область (губерния)
- Новг.** – Новгородская область (губерния)
- Олон.** – Олонецкая губерния
- Онеж.** – Онежский район (уезд) Архангельской области (губернии)
- Орл.** – Орловская область (губерния)
- Перм.** – Пермский край (губерния)
- Петрозав.** – Петрозаводский уезд Олонецкой губернии
- Пин.** – Пинежский район (уезд) Архангельской области (губернии)
- Повен.** – Повенецкий уезд Олонецкой губернии
- Пош.** – Пошехонский район (уезд) Ярославской области (губернии)
- Пск.** – Псковская область (губерния)
- Пудож.** – Пудожский уезд Олонецкой губернии
- Росл.** – Рославльский район (уезд) Смоленской области (губернии)
- Сарат.** – Саратовская область (губерния)
- Сегеж.** – Сегежский район Республики Карелия
- Сиб.** – Сибирская губерния
- Смол.** – Смоленская область (губерния)
- Солигалич.** – Солигаличский район (уезд) Костромской области (губернии)
- Сольвыч.** – Сольвычегодский уезд Вологодской губернии

- Ставроп.** – Ставропольский край (губерния)
Стол. – Столинский район Брестской области (Столинская волость Минской губернии) Белоруссии
Сямж. – Сямженский район Вологодской области
Томск. – Томская область (губерния)
Тороп. – Торопецкий уезд Псковской губернии
Тот. – Тотемский район (уезд) Вологодской области (губернии)
Тул. – Тульская область (губерния)
У-Куб. – Усть-Кубинский район Вологодской области
Харьков. – Харьковская область (губерния) Украины
Холм. – Холмогорский район (уезд) Архангельской области (губернии)
Чечер. – Чечерский район Гомельской области (Чечерская волость Могилевской губернии) Белоруссии
Шенк. – Шенкурский район (уезд) Архангельской области (губернии)
Ю-Сиб. – Южная Сибирь
Ю-Урал. – Южный Урал
Яросл. – Ярославская область (губерния)

В названиях языков и диалектов

- манс. сев.** – северный диалект мансийского языка
нен. – ненецкий язык
праслав. – праславянский язык
укр.-полес. – полесские говоры украинского языка
хант. низям. – низямский диалект хантыйского языка
харьк. – харьковские говоры украинского языка

В названиях говоров русского языка

- арх.** – архангельские
беломор. – беломорские
влг. – вологодские
вят. – вятские
иркут. – иркутские

костр. – костромские
морд. – мордовские
олон. – олонечские
онеж. – онежские
оренб. – оренбургские
пенз. – пензенские
пск. – псковские
ряз. – рязанские
с.-в.-рус. – северновеликорусские
с.-рус. – севернорусские
селигер. – говоры бассейна оз. Селигер
сиб. – сибирские
смол. – смоленские
твер. – тверские
терск. – терские
ю.-сиб. – южносибирские
яросл. – ярославские

Прочие

диал. шир. распр. – диалектное широкого распространения

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Татьяна Алексеевна Агапкина, доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Отдела этнолингвистики
и фольклора Института славяноведения РАН (Москва);
agapi-t@yandex.ru

Елена Львовна Березович, доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН, профессор, зав. кафедрой русского
языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского
федерального университета (Екатеринбург);
berezovich@yandex.ru

Олеся Дмитриевна Сурикова, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник топонимической лаборатории
кафедры русского языка, общего языкознания и речевой
коммуникации Уральского федерального университета
(Екатеринбург), научный сотрудник Отдела диалектологии
и лингвистической географии Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН (Москва);
surok62@mail.ru

Т. А. Агапкина, Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова

**ИМЕНА КАМНЕЙ
В ЗАГОВОРАХ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН**

Формат 60 x 84/16
Гарнитура Таймс
Усл. печ. л. 4,42. Усл. изд. л. 4,2
Тираж 50 экз.

Издатель – Российская академия наук

Верстка и печать – УНИД РАН
Отпечатано в экспериментальной цифровой типографии РАН

Публикуется в авторской редакции

Издается по решению Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН)
и распространяется бесплатно